

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

⌂
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1880

РУССКІЙ РАСКОЛЪ

И

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ИСТОРИЧЕСКІИ ОЦЕРКИ ИЗЪ НОВАЙШАГО ВРЕМЕНИ.

Слишкомъ двѣсти лѣтъ длится у насъ борьба съ отпадшими отъ православной церкви, и, несмотря на всевозможныя мѣры, начиная съ гоненій средневѣкового характера и кончая чуть не вѣротерпимостью, все-таки не имѣеть успѣха. Это истиннѣ колоссальное явленіе духовно-нравственнаго движенія русскаго народа, какъ то теперь дознано духовными и свѣтскими писателями, составляетъ весьма сложный результатъ разнородныхъ причинъ и слѣдствій, вытекшихъ насколько изъ прошлой исторіи церкви, настолько же, если не въ большей мѣрѣ, изъ исторіи развитія государственной и народной жизни послѣднихъ двухъ столѣтій. Недовольные «новшествами», церковными и государственными, носители старины русской, подъ знаменіемъ вѣры и древне-церковныхъ обрядовъ, откололись отъ православія и открыли брань съ церковью и государствомъ — «брань съ антихристомъ». Почти съ самаго момента появленія раскола рѣзко обнаружился у однихъ — вѣрпкій, сплоченный союзъ поклонниковъ старины, у другихъ — «нещадныя градскія казни церковныхъ мятежниковъ». Мы не будемъ останавливаться на темной картинѣ гоненій XVII-го и первой половины прошлаго столѣтія; пройдемъ также мимо свѣтлой полосы отношенія государства къ расколу, начиная съ Петра III-го и за все время цар-

ствованія Екатерины II-й; но за то послѣдовательно, шагъ за шагомъ, прослѣдимъ рядъ мѣръ, принимавшихся противъ раскола въ текущемъ столѣтїи, и, указывая на послѣдствія ихъ, постараемся, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, говорить одними фактами объ ихъ цѣлесообразности или недостаткахъ. Едва ли слѣдуетъ упоминать, что знакомство съ историческимъ развитіемъ законодательства, а также административной и церковной дѣятельности противъ раскола, можетъ служить не малымъ, если не главнымъ подспорьемъ къ разрѣшенію постановленныхъ въ настоящую минуту вопросовъ, касательно такого сложнаго и до настоящаго времени почти загадочнаго для насъ явленія, какъ расколъ.

I.

Еще въ началѣ царствованія Екатерины II-й, подъ напоромъ либеральныхъ стремленій императрицы, проявленныхъ ею въ отношеніи раскола ради государственныхъ интересовъ, были изданы облегчительные законы, дозволявшіе возвращеніе изъ-за границы бѣжавшимъ, уничтожившіе слѣдственные комиссіи и не воспрещавшіе записываться въ купцы и въ двойной окладъ, которымъ обложены были раскольники со временъ Петра I. Но эти законы не затрогивали существа старообрядческой жизни и даже во многомъ не остановили прежнихъ порядковъ въ отношеніи управленія раскольниками. Синодъ и сенатъ еще не усвоили новаго и оставались вѣрными старому направленію; низшія власти, свѣтскія и духовныя, не переставали тѣснить раскольническія общества. Внѣшнія заботы отвлекли тогдашнее правительство отъ внутреннихъ интересовъ; но безпрестанные факты самосожженія и возмутительныхъ расправъ снова обратили вниманіе лучшихъ людей и императрицы на жизнь старообрядчества. Дальнѣйшія облегченія шли помимо сената и синода, частными высочайшими повелѣніями, которымъ всѣчески старались давать ограничительное толкованіе. Уничтоженъ былъ двойной окладъ, оставлено было право на отправление общественныхъ должностей, набоинецъ, сила и вліяніе такихъ лицъ, какъ Румянцевъ-Задубайскій и Потемкинъ-Таврическій положили въ основаніе новое, серьезное право — право на общественное богослуженіе. Въ послѣдующее царствованіе приходилось развить это право съ тѣмъ, чтобы отдѣлить соединяющихся людей старой вѣры отъ тѣхъ, съ которыми не оставалось никакого способа соглашенія, и въ пользу которыхъ дальнѣйшія уступки со

стороны церкви признавались невозможными. Но, кромѣ этого, съ воцареніемъ императора Павла I на очереди стояло множество другихъ, и притомъ самыхъ серьезныхъ неразрѣшенныхъ вопросовъ. Во-первыхъ, право общественнаго богослуженія, т.-е. право имѣть своихъ священниковъ, свои церкви и открыто производить въ нихъ богослуженіе все-таки не было установлено общимъ закономъ для старообрядцевъ всей имперіи. Было дано черезъ митрополита Гавріила высочайшее разрѣшеніе только для старообрядцевъ бѣлорусскаго, малороссійскаго и екатеринославскаго намѣстничествъ, и для новороссійскаго края по настоянію князя Потемкина; но для всей имперіи это былъ законъ сенаратный, не общій. Во-вторыхъ, и—что самое главное—неизвѣстно было, какии старообрядцамъ дозволено это право: вѣзмъ-ли, приѣмлющимъ священство, или только тѣмъ, кои ставятъ необходимымъ и единственнымъ условіемъ богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ и сохраненія двоеперстнаго знаменія? По крайней мѣрѣ, до времени Павла I только эти двѣ уступки и сдѣланы были синодомъ. Наконецъ, въ-третьихъ, оставался неразрѣшеннымъ, также не менѣе важный, вопросъ о томъ, признается ли за сдѣланными двумя уступками церковь старообрядцевъ православною, или только остается терпимою, пожалуй, присоединенною, но, во всякомъ случаѣ, не единою православною церковью? Всѣ эти вопросы въ болѣе или менѣе опредѣлительной формѣ были разрѣшены въ царствованіе Павла I.

Изъ первоначальныхъ указовъ синода этого царствованія видно, что синодъ не допускалъ права общественнаго богослуженія и совершенія таинствъ старообрядческими священниками внѣ района, дозволеннаго старообрядцамъ общественнаго богослуженія. Въ селѣ Павловѣ, новгородской губерніи, обнаруженъ былъ бракъ крестьянина Махнева съ крестьянкою того же села, Саверианной, совершенный мимо проѣзжавшимъ раскольническимъ попомъ. Синодъ рѣшилъ, чтобы навели справку—православные-ли они?—взѣмъ; если они состояли въ старообрядчествѣ, то подвергнуть увѣщанію, а о вѣнчавшемъ «сей бракъ раскольническомъ попѣ,—писать синоду,—послѣнку истребленіе своищихъ бѣглыхъ людей и бродягъ, и какии образомъ ихъ ловить, относится къ должности канитанъ-исправника, сообщить въ губернскае правленіе о сискѣ его, а когда сисканъ и доставленъ будетъ въ консисторію, поступить съ нимъ, яко лжеучителѣ раскольническомъ по силѣ законовъ» (7-го сентября 1797 года). Ясно, что синодъ здѣсь держится вполне старинныхъ порядковъ. Онъ не входитъ въ обсужденіе, какова толва эти старообрядцы,

кто этотъ поше;—бракъ не законенъ, поше бродяга, потому что дѣло было въ новгородской губерніи, а потому головою выдаетъ его капитанъ-исправнику и канцеляріи.

Не знаемъ, по поводу ли этого случая или какого другого обстоятельства, но только преосвященный новгородскій митрополитъ Гавріилъ не раздѣлялъ взгляда синода, и въ томъ же году подалъ представленіе для доклада императору о дозволеніи старообрядцамъ его епархіи имѣть свои церкви. Это уже другой разъ приходилось почтенному архинастырю отстаивать права старовѣрущихъ, и на этотъ разъ представленіе его имѣло полный успѣхъ. Императоръ собственноручно написалъ: «Жительствующимъ въ новгородской епархіи старообрядцамъ позволить имѣть у себя церкви и собственныхъ священниковъ, рукоположенныхъ отъ епархіальнаго архіерея для отправленія службы божіей по старопечатнымъ книгамъ, сходственно съ представленіемъ епископа, которому собственному усмотрѣнію предоставить и исправленіе тѣхъ священниковъ въ случаѣ какихъ-либо учиненныхъ ими преступленій, духовной эпитиміи подлежащихъ». Но кромѣ этого, императоръ Павелъ добавилъ: «На семъ основаніи синодъ можетъ равномѣрное дозволеніе давать и по другимъ епархіямъ, когда изъ оныхъ вступать будутъ впредь подобныя о старообрядцахъ представленія или прошенія».

Съ этого времени начинаются непрестанныя ходатайства о дозволеніи построекъ старообрядческихъ церквей. Прежде всѣхъ обратились съ просьбою въ синодъ купцы и мѣщане г. Новоторжка во главѣ съ тамошнимъ купцомъ Морозовымъ. «Вудучи руководствуемы предками,—писали они,—и священниками, самовольно отъ мѣстъ своихъ отлучившимися, издавна привыкли молиться Богу по старопечатнымъ книгамъ, изданнымъ при святѣйшихъ російскихъ патріархахъ до гѣтъ Іосифа и Никона, патріарховъ московскихъ, и ихъ обрядамъ; но такъ какъ познали мы изъ священнаго писанія и святыхъ отецъ преданій, что христіане безъ соединенія церкви и святыхъ таинъ, чрезъ архіерея и правильно произведеннаго священника преподаваемыхъ, быть и сносятся не могутъ, то мы просимъ дать намъ въ г. Торжкѣ церковь и священника съ дозволеніемъ ему отправлять въ ней службу и всѣ требы въ домахъ по старопечатнымъ книгамъ и обрядамъ нашимъ и таковымъ снисхожденіемъ присоединить насъ къ православной церкви». Синодъ удовлетворилъ просьбу просителей, хотя велѣлъ въ то же время тверской консисторіи отобрать отъ Морозова подписку, чтобы этимъ снисхожденіемъ пользовались единственно родившіеся и воспитанные въ старообряд-

чествѣ, и чтобы вновь въ свое общество они никого не принимали.

Но не всегда мѣстные архіереи высказывали свое слово за присоединеніе; иные шли противъ этого. Такъ, иркутскій преосвященный Вениаминъ, на просьбу старообрядцевъ верхнеудинскаго округа, далъ заключеніе, что подобнаго разрѣшенія дѣлать не слѣдуетъ, такъ какъ въ старообрядчествѣ «введены многія крайнія, а нѣкоторыя и еретическое значеніе имѣющія церемоніи, о каковыхъ въ печатныхъ книгахъ до патриаршества Никона вовсе не упоминается»; и кромѣ того, — добавляетъ епископъ, «что они, гдѣ должно упоминать о высочайшемъ имени его императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ, не хотятъ называть его величество ни благочестивымъ, ни самодержавнымъ, а точію державнѣйшимъ; о святѣйшемъ же синодѣ и вовсе не упоминаютъ, и когда имъ, епископомъ, повѣренныхъ стороны были спрошены, для чего бы имъ не хотѣлось, хотя-бы сему вѣрному въ церкви учрежденію сообразоваться, отвѣтствовали, что таковыхъ словъ нѣтъ въ старопечатныхъ книгахъ». Несмотря на такое представленіе, синодъ разрѣшилъ постройку церкви и общественное богослуженіе и тѣмъ какъ-бы высказалъ мнѣніе, что упомянутыя уклоненія не могутъ служить препятствіемъ къ соединенію. Вслѣдъ за этимъ, въ томъ же 1798 году, разрѣшено было с.-петербургскимъ старообрядцамъ устроить церковь въ домѣ купца Милова, затѣмъ то же разрѣшено было въ Твери; въ слободѣ Радужь, черниговскаго уѣзда, дозволено было освятить старую старообрядческую церковь; наконецъ, особымъ высочайшимъ указомъ 1800 года дозволено было московскимъ старообрядцамъ устроить церковь столюю, «сколюю для нихъ потребно будетъ».

Чѣмъ же отразилась подобная небывалая до этого времени свобода на самомъ старообрядчествѣ? Первое, какъ указываютъ акты того времени, это—то, что явилось значительное число присоединившихся къ православію. Въ одномъ постановленіи синода приводится ссылка на письмо преосвященнаго Павла, епископа тверскаго, къ митрополиту Гавріилу, въ которомъ онъ пишетъ, «что въ новгородской епархіи тысячи обратились изъ раскола, даже самые скитники оставили по крайней мѣрѣ то чужденіе и дикость, каковую имѣли сперва къ священству, ненависть его, и стали тише и кротче». Второе—то, что духовное начальство стало строже смотрѣть за всѣми, кто не ходилъ въ исповѣди, началъ требовать высканія за это штрафа, и притомъ будь это присоединенные старообрядцы или православные. Въ постановленіи

1800 года 3-го марта, синодъ прямо высказалъ, что такъ какъ въ настоящее время нѣтъ уже раскольниковъ, нѣтъ для нихъ двойного окая, пользуются они такимъ же, какъ православные общественнымъ богослуженіемъ, то «таковая ихъ отъ платежа за небытіе у исповѣди штрафа свобода не только дастъ имъ предъ правовѣрными выгоду, но служить нѣкоторымъ и къ правовѣрныхъ слабымъ въ вѣрѣ и нерадующимъ о должностяхъ христіанскихъ поводомъ къ удаленію отъ православной церкви». Затѣмъ въ другомъ указѣ синодъ настрояйше велѣлъ подтвердить всѣмъ священнослужителямъ, «чтобы бывшихъ и небывшихъ у исповѣди и у святаго причастія прихожанъ въ духовныхъ росписяхъ писали по самой сущей справедливости безъ всякихъ продѣлокъ, не требуя у нихъ за требы излишняго». Кроме того, дарованное право общественного богослуженія произвело переполохъ и въ самомъ старообрядчествѣ. Не имѣя этого права, совершая богослуженіе тайно, старообрядчество, какъ извѣстно, распалось на нѣсколько толковъ и согласій, отдѣляя отъ себя секты крайнія и даже въ полномъ смыслѣ еретическія. Теперь открытъ былъ путь къ соединенію; но это самое заставило остающихся въ отпаденіи сплотиться еще крѣпче въ своихъ согласіяхъ и еще болѣе позаботиться объ упорядоченіи своего ученія. Разумѣется, нашлось не мало удовольствовавшихся дарованными «снисхожденіями», въ особенности когда они по настояніямъ митрополита Гавріила получили распространительное толкованіе; но не мало также осталось и такихъ, которые видѣли въ этомъ послѣдній шагъ къ поглощенію ихъ ученія православіемъ. Это заставило многихъ еще крѣпче стоять за свои обряды и вѣрованія и еще энергичнѣе отвергать всѣ дѣлаемые церковью предложенія. Если порѣдѣли ряды согласій, приѣмлющихъ священство, то число безиоповцевъ увеличилось, а еще болѣе увеличилась секта крайнихъ возрѣній. До этого времени эти послѣднія терялись въ массѣ старообрядства; теперь, стоя особнякомъ, они стали виднѣе и замѣтнѣе. Дѣйствительно, въ этотъ періодъ, кромѣ уже рагѣе обнаруженныхъ хлыстовской секты, секты скопцовъ, обозначилась еще секта духоборцевъ. Правительство отнеслось къ этой сектѣ крайне строго въ особенности за то, что духоборцы не признавали Богомъ установленной власти на землѣ. Въ именномъ указѣ, данномъ 28 августа 1799 г. правительствующему сенату, было сказано: «По случаю открывшейся нынѣ въ новороссійской губерніи духоборческой ереси, издавна въ Россіи умы и сердца развращающей и кротиву воей при началѣ царствованія нашего, слѣдуя челолюбію, употребили

ми наипрочайшія мѣры, надѣясь, что на глухая сѣтя восчувствуетъ наше отеческое въ ней снисхожденіе и на путь истинный рассудка, чести и вѣры обратится, видя по существованію еще оной, сколь участники ея суть нашей помяды не достойны, поваливася сенату: согласно съ представленіемъ новороссійскаго гражданскаго губернатора Селедскаго всѣхъ изобличенныхъ въ ереси духоборческой, числомъ 31 человекъ, отослать въ Елагоринбургъ вѣчно въ разработкѣ рудниковъ, содержа ихъ всѣхъ скванными и употребляя въ наипрочайшія работы, дабы сіи духоборцы, отвергающіе вѣщную власть на землѣ, предѣломъ Божиимъ постановленную, восчувствовали чрезъ сіе, какъ слѣдуетъ, то, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленныя на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ же подобнымъ на страхъ и навиданіе. Впрочемъ, въ послѣдующихъ указахъ правительство оказывается гораздо снисходительнѣе, какъ то видно изъ дѣла по обнаруженію духоборцевъ въ новгородской губерніи, въ селеніи Чудновѣ и въ самой Москвѣ. Наконецъ, еще однимъ послѣдствіемъ предоставленнаго права на общественное богослуженіе былъ переходъ значительнаго числа православныхъ священниковъ въ старообрядчество, что обусловливалось большимъ спросомъ ихъ для вновь учреждаемыхъ старообрядческихъ церквей, а также и тѣмъ, что старообрядчество содержало своихъ поновъ гораздо обезпеченнѣе, чѣмъ то подушное содержаніе, какимъ пользовался православный причтъ.

Но положеніе старообрядчества было бы все-таки неопредѣленнымъ, если бы не было вѣдано основныхъ правилъ, указывающихъ, какову существенную равницу допускать церковь въ богослуженіи, или что признаеть она несущественнымъ для объединенія. Правила эти были вѣданы въ царствованіе Павла I. Московское старообрядчество, какъ представитель старорусской обрядности всей Россіи, преся о построеніи для себя церквей, вмѣстѣ съ тѣмъ выставило на разсмотрѣніе московскаго митрополита Плагона пункты, по которымъ возможно было бы для нихъ открытъ у себя богослуженіе, подъ вѣннимъ управленіемъ православной іерархіи. Московское старообрядчество посмотрѣло на дѣло прямо: оно не хотѣло терпимости, не хотѣло права; не хотѣло дозволенія и снисхожденія, а хотѣло самобытной жизни своей церкви, покоящейся на старыхъ обычаяхъ и старой обрядности. Съ того и начинаютъ московскіе старообрядцы: они просятъ, чтобы съ нихъ были сняты вѣтвы московскихъ обрядовъ, которыми ихъ оторгли отъ православной церкви, назвали еретиками, церковными мѣтешниками и передали свѣтской власти для преданія

«градскимъ казнямъ». На этотъ пунктъ вопроса старообрядцевъ митрополитъ Платонъ даетъ разрѣшеніе, говоря: «Ибо хотя церковь на нихъ оныя возложила праведно, что они и сами признають, почитая ими себя связанныхъ и отъ оныхъ просать разрѣшенія; но какъ нынѣ они сближаются, или паче соединяются съ церковью, и истину ея, и таинство, и священство ея признають дѣйствительными; то и необходимо ей разрѣшеніе и не должна болѣе тѣми клятвами ихъ совѣсть быть отягощаема, подъ каковыми отторгающіеся еще отъ церкви имѣють и впредь состоять праведно». Такимъ образомъ, разрѣшеніемъ этимъ отмѣнено постановленіе московскихъ соборовъ и призвано, что сохраненіе двоенерстнаго знамени и другихъ обрядовъ старой церкви, за то гнались русскіе люди въ теченіи болѣе ста лѣтъ, не препятствуетъ не только сближенію, но и соединенію съ православною церковью, т. е. что это — та же православная церковь, только стараго обряда.

На просьбу московскихъ старообрядцевъ имѣть у себя священниковъ или тѣхъ, кои сами захотятъ, или выбранныхъ архіереемъ, или изъ бывшихъ старообрядческихъ, но во всякомъ случаѣ поставленныхъ съ согласія общества и черезъ хиротонію по старопечатнымъ книгамъ, митрополитъ Платонъ изъявилъ согласіе, за исключеніемъ поставленія бывшихъ старообрядческихъ поповъ: «а прежнихъ ихъ поповъ, — пишетъ Платонъ — яко бѣглецовъ и предателей церкви, совѣсти и сана своего, въ таковой церкви не опредѣлять». Этимъ разрѣшеніемъ еще болѣе подтвердилось общее положеніе, что церковь единовѣрческая одна и та же церковь, ибо священство въ ней получаетъ рукоположеніе изъ одного и того же источника, и во власти епископа соединяются права «вязать и рѣзать» и въ части старого, и въ части новаго обряда. Но въ отказѣ посвящать бывшихъ старообрядческихъ поповъ является противорѣчіе, такъ какъ они были священниками той же православной церкви. Объяснить это запрещеніе тѣмъ, что церковь не отпускаетъ имъ прежняго грѣха — побѣгъ изъ православія, не основательно — потому, что самое дѣланіе, для котораго они убѣгали, церковь не признаетъ теперь преступнымъ. Между тѣмъ это запрещеніе остановило многихъ отъ присоединенія къ единовѣрцію, чему способствовали, разумѣется, лишеныя права священства бѣглые священники.

Въ третьемъ пунктѣ московское старообрядчество просило благословить богослуженіе, таинства и требы христіанскіи по прежде печатаннымъ книгамъ при всероссійскихъ патріархахъ Іовѣ, Ермогенѣ, Филаретѣ, Іосифѣ и Іоасафѣ, и чтобы освященіе церквей

и антиминовъ производилось по этимъ книгамъ. И это было разрѣшено. «Хотя въ книгахъ, ими упомянутыхъ, пишеть Платонъ, и находятся нѣкоторыя погрѣшности, но не въ существенныхъ вѣры догматахъ, а въ словахъ и обрядахъ, а пріобрѣтеніе мира церковнаго есть важнѣе его».

Далѣе старообрядцы просили, чтобы ихъ и ихъ священниковъ не требовали въ соборнымъ моленіямъ, такъ какъ они будутъ совершать ихъ въ старообрядческихъ церквахъ; также просили не допускать на ихъ общія моленія «знаменующихся тремя персты, браны брѣющихъ и прочіе, имѣющихъ несогласіе съ древними обычаями», и о томъ, чтобы старообрядцамъ, «хотя и незаписаннымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества грекороссійской церкви, не возбранять присоединяться къ церкви старообрядческой». На это митрополитъ Платонъ сдѣлалъ слѣдующую оговорку: «Но что надлежитъ до недопущенія ими въ церковь нѣкоторыхъ ими объясненныхъ особъ, на сіе согласиться предосудительно; а предоставить сіе благоразсужденію опредѣленныхъ къ нимъ священниковъ и поставленіямъ епископа. А чтобы не возбранять присоединяться къ церкви ими просимой и другимъ незаписаннымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества грекороссійской церкви, сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи епископа, что они никогда дотолѣ въ церковь православную не ходили и таинства ея не принимали, и то нашедши его таковымъ, при принятіи въ церковь, прочесть надъ нимъ разрѣшительную молитву. А въ церкви нашей православной доселѣ бывшихъ никакъ до таково присоединенія не допускать».

Приняты были также пункты о томъ, чтобы по духовнымъ дѣламъ старообрядческое духовенство и сами старообрядцы были въ вѣдѣніи только епископа. Не было возраженія противъ того, чтобы не повторялись священнодѣйствія, совершенныя прежними старообрядческими попами, чтобы налагаемыя епископами на старообрядческое духовенство эпитиміи исполнялись ими въ ихъ церквахъ, чтобы при смѣшанныхъ бракахъ бракосочетаніе совершалось въ одной изъ церквей по желанію брачующихся. На просьбу, чтобы старообрядческіе священники были на исповѣди только у священниковъ старообрядцевъ, и чтобы епископы дозволяли имъ молиться двое-перстно, предоставлено первое — совѣсти священника, а второе — совѣсти и благоразумію епископа, посвящающаго въ санъ старообрядческаго священника. Пріобщаться св. таинъ православному отъ старообрядческаго священника допущено только на смертномъ одрѣ, когда не случится найти православнаго свя-

щенника; наоборотъ, старообрядцамъ приобщаться отъ православнаго священника не возбранялось. Наконецъ, въ одномъ пунктѣ, старообрядцы, считая для себя обязательнымъ вести трое-частныя книги (записи брачныя, рожденія и смерти, исповѣдныя росписи), вмѣстѣ съ тѣмъ просили, чтобы не исповѣдующихъ не привлекали къ гражданской отвѣтственности, а налагали бы на нихъ духовныя наказанія—эпитиміи. На все это митрополитъ изъявилъ полное согласіе и добавилъ, что слѣдовало бы и православныхъ отъ штрафа освободить, такъ какъ за духовное прегрѣшеніе слѣдуетъ только духовное наказаніе.

Въ послѣднемъ пунктѣ своего ходатайства московское старообрядчество заявило, что «распри, раздоры и хулы ни съ одной стороны да не слышатся за содержаніе равныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для богослуженія; ибо такая обосторонняя разность, какъ не привадяетъ до сущности вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы и сынове грекороссійскія церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя, соборныя, апостольскія церкви». На это Платонъ отвѣтилъ: «Требованіе благое и достойное, чтобы оно было отъ всѣхъ сохраняемо въ точности»; въ концѣ же сдѣлалъ заключеніе, чтобы слово старообрядецъ было замѣнено словомъ «соединенецъ» или «единовѣрецъ», церковь ихъ чтобы называлась «единовѣрческою», а остальныхъ отторженныхъ называть «расвольниками». Митрополитъ Платонъ находилъ необходимымъ это распоряженіе огласить, «дабы всѣмъ вѣдомо было, по какой винѣ церковь нынѣ такое творитъ снисхожденіе и дабы развратныя не претолковывали, аки бы святая церковь свое прегрѣшеніе, а ихъ истину познала, какъ то ижеоторые держаютъ и мыслятъ, и говорятъ».

Пункты эти и заключеніе митрополита 27 октября 1800 г. были утверждены императоромъ Павломъ, и на основаніи этихъ правилъ понынѣ единовѣрческая церковь по настоящее время. Правилами этими удовлетворились пока обѣ стороны, хотя первенство осталось за церковью новаго обряда, и она въ отношеніи къ единовѣрческою поставлена какъ правило въ допускаемому исключенію.

II.

Императоръ Александръ I засталъ въ средѣ людей стараго обряда и отпавшихъ отъ православной церкви согласій странный переполюхъ и смятеніе. Въ пунктахъ митрополита Платона одни видѣли только уступки со стороны церкви и го-

сударства, и потому, признавая свое учение правымъ, стали требовательнѣе, стали сильнѣе его пропагандировать и находили множество поклонниковъ; другіе объяснили эти уступки стремленіемъ церкви новаго обряда поглотить все старообрядчество и, не довѣряя новому закону, указывали на него, какъ на ловушку; третьи придали закону имп. Павла значеніе полной свободы отправленія богослуженія, и потому всѣ пріемлющія и непріемлющія священство согласія начали строить себѣ церкви, святы, молитвенные дома; наконецъ четвертые, агенты крайнихъ сектъ, воспользовавшись замѣшательствомъ вѣрующихъ, открыли широкое поле своей пропагандѣ и успѣвали находить значительное число прозелитовъ.

Собственно устройство единовѣрческой церкви была одна изъ самыхъ плодотворныхъ идей, какія когда-либо приходили на мысль нашимъ законодателямъ въ отношеніи старообрядчества. Намѣтивъ путь къ единенію, наша церковь при нѣкоторой снисходительности къ обрядовой сторонѣ богослуженія имѣла бы возможность соединить подъ единовѣріе всѣ согласія, пріемлющія священство, и даже нѣкоторыя изъ непоповщинскихъ сектъ. Ей стоило только правиламъ, намѣченнымъ въ высочайшемъ повелѣніи 27 октября 1800 года, дать болѣе широкое, распространительное толкованіе, а не останавливаться на мертвой буквѣ. Пусть бы старообрядчество входило въ единовѣріе и съ ббльшими уклоненіями отъ православія грекороссійскаго; пусть первоначально и не было бы желаемого единства; но за то со временемъ, при развитіи единовѣрія, при свободной духовной жизни этой церкви, оно могло бы поглотить всѣ секты поповцевъ, объединить ихъ въ одно согласіе, и затѣмъ подъ общимъ главенствомъ нашихъ іерарховъ, все отколотое вновь сплотилось бы съ господствующею церковью, въ которой не было бы раскола, а явились бы только два теченія—теченіе самобытной старой церкви и новой—грекороссійской. Но синодъ поступилъ иначе. Онъ съ самаго начала сталъ строго придерживаться буквы утвержденныхъ пунктовъ и при малѣйшемъ несогласіи съ ними говорилъ «поп розшиш». Такъ, инокъ и настоятель высоковскаго старообрядческаго скита Герасимъ съ братією просилъ синодъ дать имъ троицкую живоверскую пустынь, съ тѣмъ, чтобы избирать имъ настоятеля самимъ и чтобы священники рукоположены были архіереемъ изъ ихъ старообрядческой братіи. «Оставляя свое заблужденіе,—пишетъ братія,—мы желаемъ принимать священниковъ отъ епархіального архіерея и быть подъ его смотрѣніемъ, такъ какъ святѣйшій синодъ и архипастыри, по бывшемъ отъ лѣтъ патріарха Никона отдѣленіи, на-последѣяхъ признали отправленіе богослу-

женія по прежде печатаннымъ книгамъ за святое и спасительное». Синодъ отвергъ это ходатайство, указывая, что заключенія ихъ «не означаютъ истиннаго въ нихъ раскаянiя о бывшемъ заблужденiи, но паче подтверждаютъ прежнее ихъ ожесточенiе». Между тѣмъ, уклоненiе просителей отъ пунктовъ митрополита Платона было самое незначительное, и, слѣдуя здравой терпимости, весьма возможно было бы для монашествующей братiи обойти правило назначенiя священства, а о мотивахъ, высказанныхъ старообрядцами, не слѣдовало даже и упоминать, относя это къ словопренiямъ, а тѣмъ болѣе относиться въ такой формѣ упрека. Мало того, народъ, уважая болѣе старый обрядъ, отчасти, быть можетъ, и тайно придерживавшiйся его, нерѣдко просилъ синодъ объ обращенiи православныхъ церквей въ старообрядческiя. Синодъ, основываясь на правилахъ митрополита Платона, относящихся къ издавна удалившимся отъ грекороссiйской церкви, отклонилъ подобныя ходатайства, а этимъ самымъ поддерживалъ и распространялъ только тайное старообрядчество. Изъ уваговъ того времени мы видимъ, что только въ двухъ мѣстахъ разрѣшено было открыть единовѣрческiя церкви — въ Екатеринбургѣ и на Демидовскихъ заводахъ; а затѣмъ разрѣшенiй, да и самыхъ ходатайствъ въ синодъ не поступало. Ясно, что нетерпимость синода остановила дальнѣйшее присоединенiе къ единовѣрчеству.

Но синодъ былъ при этомъ виноватъ только вполнину, такъ какъ правительство, во имя свободомыслия, само взяло въ руки заботу объ охраненiи церкви и о возвращенiи отпадшихъ. Синоду оставалось отойти отъ этого дѣла, стоять востороннимъ зрителемъ, обратиться къ духовнымъ дѣламъ своей паствы и полностью вручить въ распоряженiе свѣтской власти заботу объ обращенiи отступниковъ. Дѣйствительно, синодъ времени Александра I почти не касается дѣлъ раскола и не входитъ въ существо этого церковно-государственнаго вопроса. Оставшись строгимъ къ единенiю церкви черезъ единовѣрiе, отстранивъ отъ себя даже увѣщанiе заблудшихъ, онъ занимается въ это время или вопросами частнаго права, правами супруговъ старообрядческаго и грекороссiйскаго исповѣданiя, участiю прижитыхъ дѣтей, или вопросами церковно-административнаго управленiя, исполненiя распоряженiй и судебныхъ рѣшенiй свѣтской власти по отношенiю духовныхъ взысканiй съ виновныхъ. Въ царствованiе Александра I синодъ утратилъ прежнее церковно-правительственное значенiе, и его мѣсто замѣняли или оберъ-прокуроръ синода князь Голицынъ, предлагавшiй ему только высочайшия повелѣнiя къ исполненiю, или министръ народнаго

просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Шишковъ, или министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ. Указы этого времени относятся только къ разрѣшенію нѣкоторыхъ, впрочемъ немаловажныхъ вопросовъ, касающихся частной жизни старообрядчества и православія. Такъ, синодъ разрѣшилъ и установилъ правила относительно изданія старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ. Указомъ 2-го іюня 1801 года синодъ дозволилъ печатаніе этихъ книгъ въ типографіи княжескаго посада и села Махновеи мглинскаго уѣзда; затѣмъ установилъ, чтобы эти типографіи принадлежали обществу, а не частному лицу (19 апр. 1803 г.); наконецъ, выдалъ правила, чтобы печатаніе старыхъ церковно-служебныхъ книгъ было сосредоточено исключительно въ Москвѣ при тамошней единовѣрческой церкви. Въ типографіи назначено было два надзирателя изъ духовныхъ особъ и нѣсколько попечителей изъ прихожанъ-единовѣрцевъ. По представленіи преосвященному оригинала старопечатной книги, его свѣряли черезъ надзирателей съ книгами, находящимися въ бібліотекахъ синодальной типографіи; затѣмъ каждый листъ набора долженъ былъ быть свѣренъ снова надзирателями, а по отпечатаніи книги, къ ней прикладывался такъ-называемый выходной листъ, въ которомъ послѣ словъ: «напечатана сія книга въ царствующемъ великомъ городѣ Москвѣ», велѣно было добавлять: «въ типографіи единовѣрческой церкви въ лѣто отъ сотворенія міра (такое-то), отъ рождества же по плоти Бога Слова (такое-то), индикта мѣсяца, съ книги, напечатанной въ такомъ-то городѣ, при такомъ-то патріархѣ». Для будущихъ изданій велѣно было оставлять одинъ экземпляръ за скрѣпкою надзирателей, шнуромъ и печатью въ типографіи, а три экземпляра отсылать преосвященному, синоду и въ патріаршескую бібліотеку.

Другой болѣе важный вопросъ, разрѣшенный синодальною практикою того времени, былъ вопросъ о смѣшанныхъ православныхъ съ старообрядцами бразахъ. Чтобы уяснить взглядъ синода на этотъ важный вопросъ гражданскаго права, не утратившій силу и въ настоящее время, мы прослѣдимъ нѣсколько частныхъ его рѣшеній.

Купецъ Леонъ Шутовъ принесъ въ поле связанные образа протопону и объявилъ, что онъ ходить въ церковь не будетъ и въ исправленіи требъ не нуждается, такъ какъ «содержитъ законъ Моисеевъ». Жена Шутова въ свою очередь подала прошеніе, что мужъ принуждаетъ ее съ девятилѣтнимъ сыномъ перейти въ духоборческую секту, а потому просить о расторгненіи брака. Синодъ не расторгнулъ, основываясь на посланіи апостола

Павла къ коринтянамъ гл. 7 ст. 12, а дозволилъ ей только жить въ особомъ домѣ, и преподавалъ ей наставленіе молиться Богу и помнить ученіе Спасителя, изложенное у того же апостола, что «святиса мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ» (18 ноября 1803 г.).

Брестыянка Марія Трихонова, рожденная православною, на десятилѣтнемъ возрастѣ вмѣстѣ съ отцомъ перешла въ старообрядчество; на пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ она была выдана замужъ за старообрядца Михайлова, и бракъ ихъ совершилъ на Рогожскомъ кладбищѣ, какъ заявляетъ просительница, неизвѣстный челоувѣкъ—былъ ли то попъ или просто мужикъ, не знаетъ, а потому проситъ присоединить ее къ православію, а бракъ расторгнуть. Здѣсь синодъ напелъ просьбу просительницы правильною, и по силѣ соборныхъ правилъ не призналъ это сопряженіе даже бракомъ.

Въ отмѣну своего прежняго рѣшенія въ дальнѣйшей практикѣ синодъ началъ расторгать браки, если одна сторона перешла въ расколъ, основываясь на посланіи Павла, гдѣ сказано: «аще невѣрный отлучается, да разлучатся, не вработится бо братъ или сестра въ таковыхъ». Замѣчательно однако то, что синодъ не расторгалъ брака, когда мужъ переходилъ въ скопчество, лишь бы было на это обоюдное согласіе брачующихся (см. 9 сентяб. 22 декабря 1807 г. 18 февраля 1808). Взамѣнъ того, всякое сопряженіе подъ именованіемъ раскольническихъ браковъ, при которомъ одинъ изъ брачующихся былъ православнымъ и совратился, синодъ признавалъ незаконнымъ, и виновныхъ, какъ прелюбодѣевъ, отсылалъ къ гражданскому суду (10 декабр. 1809 г.).

Относительно совершенія браковъ между лютеранами и духовборцами синодъ отказался дать свое заключеніе на запросъ государственной юстицъ-коллегии лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, говоря, «что духовборческая секта находится внѣ всякаго установленнаго исповѣданія христіанской религіи, что она есть не что иное, какъ только невѣжественное уклоненіе отъ правовѣрія и правилъ, утвержденныхъ св. православною нашею церковію, что блуждающіе въ семъ расколѣ не принадлежать къ сословію истинныхъ чадъ ея, и потому синодъ, не входя ни въ какое сужденіе насчетъ совершенія брака духовборца съ невѣстою, содержащею лютеранское исповѣданіе, не можетъ дать разрѣшеніе на сей случай». Но за то синодъ далъ чрезвычайно важное рѣшеніе относительно брачующихся старообрядцевъ, добровольно пожелавшихъ обвѣнчаться въ православной церкви. Рѣшеніемъ 22 января 1815 года синодъ прямо высказалъ: «Какъ видно,

Долгушинъ и Васильева, поморскаго толка, не желая жить любовно, согласились, чтобы бракосочетаніе ихъ совершилось въ церкви черезъ православнаго іерея, то чрезъ сіе не только сдѣлались участниками церковныхъ молитвъ, при семъ таинствахъ совершаемыхъ, но и сближаются къ истиннымъ христіанамъ», т.-е. этимъ самымъ синодъ показалъ, что наша церковь и для раскола не отказываетъ въ пріятіи нѣкоторыхъ таинствъ, какъ, напримѣръ, брака, безъ полнаго присоединенія къ ней.

Что касается погребенія и крещенія старообрядцевъ, то въ этомъ случаѣ синодъ выказалъ полное свое невмѣшательство. Епископъ калужскій доносилъ синоду, что тѣла умершихъ безпоповщинской секты хоронятъ сами крестьяне, притомъ ночью, скрытно и въ неустановленныхъ мѣстахъ. Земскіе суды, пишетъ епископъ, производятъ объ этихъ дѣлахъ слѣдствія, привлекая къ отвѣтственности крестьянъ и духовенство, производя тѣмъ большія имъ отягощенія и волокиты. Епископъ указывалъ, что такъ какъ раскольники этой секты въ Христа вѣруютъ, евангельское ученіе пріемлютъ только съ извращеннымъ толкованіемъ, и бываютъ терпимы между живыми, то могутъ быть терпимы и между мертвыми, а потому полагаютъ предавать ихъ землѣ православными священниками по примѣру иновѣрцевъ. Синодъ отвергъ это предложеніе, говоря, что если это дѣлать противъ воли раскольниковъ, то можетъ быть принято ими за притѣсненіе, и на духовенство можетъ послѣдовать нареваніе. По другому случаю, гдѣ архангельская консисторія возбудила дѣло и настойчиво преслѣдовала виновныхъ за то, что одинъ изъ старообрядцевъ похоронилъ умершую, а другой окрестилъ младенца, синодъ постановленіемъ 1-го февраля 1818 г. разъяснилъ, что «духовенство не должно дѣлать никакихъ притязаній къ раскольникамъ, которыя насильствовали бы ихъ совѣсть по образу ихъ мыслей, а затѣмъ гражданское правительство, независимо отъ требованій духовнаго начальства, можетъ свободно дѣйствовать по точной силѣ узаконеній».

Такимъ образомъ, въ царствованіе Александра I синодъ совершенно отклонилъ отъ себя дѣла по расколу, и всю заботу о прекращеніи или уменьшеніи его предоставилъ свѣтскому правительству. Посмотримъ же теперь, какія мѣры принимало оно въ этомъ дѣлѣ?

«Общее правило, принятое мною на заблужденіе сего рода — пишетъ императоръ Александръ I тамбовскому губернатору по поводу распространившейся тамъ секты духоборцевъ, — состоитъ въ томъ, чтобъ, не дѣлая насилія совѣсти и не входя въ розысканіе внутренняго исповѣданія вѣры, не допускать однакоже никакихъ

внѣшнихъ оказательствъ отступленія отъ церкви и строго воспрещать всякіе въ семъ соблазны не въ видѣ ереси, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка». Вотъ программа, которую объявилъ Александръ I въ началѣ своего царствованія. Если она не вполнѣ совпадаетъ съ свободою совѣсти, какъ понимается она въ послѣднее время, то все-таки она стоитъ неизмѣримо выше существовавшихъ до того взглядовъ. Здѣсь нѣтъ наказуемости и гражданскаго преслѣдованія за одно состояніе въ расколѣ, нѣтъ насилуванія совѣсти или принудительнаго увѣщеванія объ обращеніи, нѣтъ розыска признаковъ отступничества. Это былъ уже большой шагъ впередъ въ исторіи развитія у насъ вѣротерпимости. Законодательство наше, по крайней мѣрѣ въ этотъ періодъ, отрѣшилось отъ старыхъ отжившихъ формъ охраненія чистоты христіанскаго ученія, оно предоставило въ то время совѣсти каждаго доискиваться христіанской истины и отклонило отъ себя въ этомъ дѣлѣ всякое механическое, принудительное человѣческое участіе. Къ сожалѣнію, мысль, высказанная Александромъ I, была настолько высока и настолько не вязалась со всѣмъ строемъ тогдашняго общества и формой государственности, что ей пришлось остаться одинокимъ свѣточемъ, блеснувшимъ среди мрака и утонувшимъ въ немъ, не произведя никакого видимаго результата. Тѣ прекрасныя слова о «свободѣ» отношеній человѣка къ Богу были высказаны среди закрѣпощенныхъ милліоновъ, которые нуждались въ свободѣ на землѣ, а имъ предлагалась свобода созерцанія, свобода возноситься мыслью къ небу. Вотъ почему народныя массы и воспользовались этою предоставленною имъ въ то время свободою для того, чтобы удариться въ мистицизмъ. Церковь, какъ мы видѣли, отступилась отъ духовно-нравственнаго направленія народа и оставила это на попеченіи свѣтской власти. Установленное сближеніе съ нею старообрядчества черезъ единовѣріе прекратилось. Началось духовное броженіе въ народѣ, стали расти и распространяться, вмѣсто прежняго старообрядчества, ереси самаго противонравственнаго направленія. Любый проходимецъ, бѣглый солдатъ, бродяга, увлекалъ темныя массы, основывалъ братства, согласія, коверкая и уродуя нравственную жизнь забытыхъ дѣтей природы. Скопецъ Селивановъ возвращается изъ Сибири и темною массою возводится въ божество. Скопецъ камергеръ Елянскій подаетъ Александру I-му въ 1804 г. проектъ скопческо-теократическаго правленія въ Россіи съ его «божественною канцелярію», состоящею изъ скопцовъ. Все бросилось въ мистицизмъ и забыло о землѣ и о живущемъ на ней закрѣпощенномъ народѣ.

Вторая часть программы Александра I-го, запрещающая «вышнія оказательства» отступленія отъ церкви съ воспрещеніемъ соблазновъ не въ видѣ ересей, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка—всецѣло предала еретиковъ и раскольниковъ, неприсоединившихся къ единовѣрью, въ руки полицейскихъ чиновниковъ, съ ихъ воловитами и взяточничествомъ. Это совершенно парализовало и уничтожало благія намѣренія императора. Полицейскій надзоръ и придирка еще болѣе разжигали мистическія увлеченія и безъ того забитаго народа. Необразованное, тупое чиновничество, разумѣется, не могло понять значенія словъ Александра и изъ своекорыстныхъ видовъ повсюду искало «оказательствъ», прицѣпляя ихъ къ любому явленію обмудненной жизни раскольниковъ. Въ этомъ случаѣ либеральная съ виду программа открыла широкій просторъ для негласнаго кормленія чиновниковъ.

Наибольшее противорѣчіе между гуманными взглядами государя и далеко не гуманными распоряженіями управителей замѣтно было въ дѣлахъ, относящихся къ духоборческой и молчанской сектамъ. Александръ I былъ крайне снисходителенъ къ послѣдователямъ этого уклоненія. Въ его царствованіе сектанты получили особенное развитіе и осѣдность въ Тамбовской, Воронежской и Слободско-Украинской губерніяхъ. Ревизовавшіе въ этомъ году эти губерніи сенаторъ Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій засвидѣтельствовали передъ государемъ, что они были удивлены нравственностью этихъ людей и ихъ трудолюбіемъ. Александръ I тотчасъ же вернулъ всѣхъ изъ ссылки, предоставилъ имъ право жить въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, и велѣлъ доставить ему самыя точныя справки объ ихъ хозяйствѣ, величинѣ надѣловъ и нуждахъ. «И разумомъ, и опытомъ давно уже дознано, — пишетъ государь слободско-украинскому губернатору, — что умственные заблужденія простого народа, преніями и нарядными увѣщаніями въ мысляхъ его углубляясь, единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало-по-малу изглаживаются и исчезаютъ. Вотъ правило, коего мѣстному начальству должно держаться, и на немъ основано было повелѣніе, данное о увѣщаніи сихъ духоборцевъ при возвращеніи ихъ во-свои. Сіи увѣщанія никакъ не должны имѣть вида допросовъ, состязаній и открытаго образу ихъ мыслей насилія; но должны сами собой, непримѣтно, изливаться къ нимъ изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и, наконецъ, изъ непринужденныхъ, къ случаю и съ видомъ ненамѣренности направленныхъ на ихъ положенія разговоровъ, а чтобъ все сіе имѣло

болѣе дѣйствія и чтобъ они лучше почувствовали обязанности ихъ къ правительству, прежде всего нужно было бы дать имъ самимъ примѣтить, что оно объ нихъ печется, и послѣ претерпѣннаго ихъ разоренія войти въ ихъ состояніе». Несмотря, однако, на такой гуманнѣйшій совѣтъ мелитопольскіе себтанты не совсѣмъ довольны были своимъ положеніемъ и не мало терпѣли отъ мѣстной власти. Въ томъ же году они подали прошеніе о соединеніи ихъ въ одно мѣсто и о водвореніи ихъ сколь возможно подалѣе. Государь удовлетворилъ и эту просьбу, назначивъ имъ для поселенія обширныя поля маріупольскаго уѣзда по рѣкѣ Молочной (откуда названіе молokane). Имъ назначено было по 15 десятинъ душевого надѣла, на пять лѣтъ они освобождены были отъ государственныхъ податей, на подъемъ имъ было выдано по 100 руб. на дворъ, уплата за землю разсрочена была на 25 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы каждое семейство платило не болѣе 5 руб. въ годъ. Но этого мало. Наученный опытомъ, что, несмотря на указы, притѣсненія раскольниковъ считались дѣломъ обыденнымъ, Александръ I снова и снова повторяетъ въ указахъ губернаторамъ о человѣчномъ съ ними обращеніи. Такъ, онъ пишетъ тамбовскому губернатору, отъ 21-го февраля 1803 г., «что доколѣ не обнаружено будетъ въ духоборцахъ явнаго неповиновенія установленной власти, дотолѣ не можно по единому смыслу ихъ ереси судить и обвинять въ семь преступленій». Дозволяя подобно слободско-украинскимъ и тамбовскимъ молokaneамъ переселяться на Молочную рѣку, Александръ I снова повторяетъ, «о наблюденіи во всѣхъ случаяхъ, чтобы до перехода ихъ не было имъ дѣлано никакихъ принужденій, обидъ и утѣсненій». То же самое еще разъ указываетъ онъ въ распоряженіи о переселеніи духоборцевъ изъ Азовской крѣпости. Но всѣ эти указы и наставленія не имѣли никакого значенія и оставались безъ всякаго исполненія. Въ 1816 году тѣ же молokane, о которыхъ такъ заботился Александръ I, подали ему прошеніе, взывая о защитѣ ихъ противъ притѣсненій мѣстной власти. Жалоба ихъ была настолько основательна, что, несмотря на донесеніе губернатора о развратномъ будто бы ихъ поведеніи, государь отвѣтилъ: «Отдаленіе сихъ людей отъ православной греко-россійской церкви есть, конечно, съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшнѣхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи, ибо ревность божію имѣютъ, но не по разуму. Но православному ли государству приличествуетъ, — спрашиваетъ Александръ I, — заблуд-

шихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобное? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю въскати и спасти погибшаго, не можетъ внушено быть насильствіемъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратитъ на путь истины. Истинная вѣра порождается благодатью Господнею чрезъ убѣжденіе поученіемъ, кротостью, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ». Во время путешествія черезъ мелитопольскій уѣздъ на просьбу духоворцевъ государь велѣлъ черезъ Аракчеева сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣхъ безъ исключенія прежде сосланныхъ изъ этой секты возвратитъ на Молочныя воды, а такъ какъ въ числѣ ихъ было двое рядовыхъ 23-го егерскаго полка, сосланныхъ по наказанію вкнотомъ въ Нерчинскъ, то государю любопытно было знать, за какою поступкомъ они были осуждены; все это казалося ему страннымъ, такъ какъ онъ зналъ и слышалъ много о безупречной нравственности самой секты. Сдѣлали справку. Оказалось, что эти двое несчастныхъ по приговору генераль-аудиторіата, высочайше же утвержденному 10 сентября 1811 года, т.-е. спустя 10 лѣтъ послѣ закона о ненаказуемости за одну принадлежность къ сектѣ, были осуждены именно: «за отстаніе преданій, греко-россійской церковью уставленныхъ и за непризаніе надъ собою верховной власти». Если неисполненіе законовъ было возможно въ высшихъ учрежденіяхъ, то что послѣ этого можно было ожидать въ глуши, въ мѣстахъ, гдѣ не было никакого контроля?

Мы уже упомянули, что синодъ устранилъ себя отъ раскольническихъ дѣлъ и предоставилъ ихъ во владѣніе свѣтской власти. На ходатайство иргизскихъ жителей о посвященіи ихъ священниковъ епископами синодъ отвѣчалъ отказомъ, говоря: «ибо оныя со всѣми жителями своими не что иное суть, какъ раскольническія скопища, блуждающія внѣ православной нашей церкви и въ отчужденіи отъ ея правленія». Но иначе посмотрѣло на дѣло свѣтское правительство. «Для успокоенія старообрядцевъ,—говоритъ указъ 12-го мая 1803 года,—дозволяется имъ имѣть священниковъ изъ Иргиза, наблюдая, чтобы таковое снисхожденіе не могло быть обращено во зло, чтобы священники сіи вызываемы были по мѣрѣ надобности и съ вѣдома духовныхъ и гражданскихъ правительствъ, и чтобы во всемъ были подчинены, на основаніи общихъ правилъ, мѣстному преосвященному». Тутъ вышло явное противорѣчіе: свѣтская власть возводила въ санъ священства тѣхъ, которыхъ синодъ признавалъ начальниками скопищъ. На практикѣ это привело къ тому, что бѣглецы попы, расстриги,

указывали на посвященіе свое въ Иргизѣ и тѣмъ ограждали себя отъ преслѣдованія. Наконецъ, когда синодъ настойчиво сталъ требовать преслѣдованія поповъ, то въ отвѣтъ на это, по поводу запроса малороссійскаго генераль-губернатора, сенатъ указомъ 5-го іюня 1805 года прямо высказалъ: «какъ извѣтіе изъ волостей священниковъ могло бы болѣе ожесточить раскольниковъ въ ихъ суевѣрїи и лишить ихъ способовъ крещенія младенцевъ и погребенія мертвыхъ, то и должно терпѣть оныхъ, смотря на нихъ, такъ-сказать, сквозь пальцы и не подавая однако же имъ явнаго вида покровительства».

Точно также въ отношеніи общественнаго богослуженія раскольниковъ, первоначальные указы императора носили характеръ полной терпимости. Старообрядчество прїемлющее и непрїемлющее священство начало строить себѣ монастыри, церкви, скиты, часовни. Самъ государь, будучи въ Москвѣ и осматрѣвъ выстроенный московскимъ купцомъ Ильею Ковылинымъ богадѣльный домъ на преображенскомъ кладбищѣ, указомъ 15-го мая 1809 года утвердилъ это заведеніе за обществомъ старообрядцевъ и призналъ, «что оно заслуживаетъ быть подъ общимъ покровительствомъ законовъ и мѣстнаго начальства». Указомъ этимъ Александръ I какъ-бы освятилъ общественное богослуженіе старообрядцевъ подъ видомъ учрежденія благотворительныхъ заведеній. Въ 1808 г. государь жертвуетъ въ пользу старообрядческаго Корсунскаго монастыря по 500 фуръ соли изъ Кинбурнскихъ соленыхъ озеръ ежегодно, а самыя озера отдалъ монастырю на содержаніе безъ платежа въ казну. Въ 1811-мъ году онъ разрѣшилъ отправлять богослуженіе и освятить церковь по старому обряду въ Климовскомъ старообрядческомъ монастырѣ. Слѣдуя государю, впослѣдствіи начали давать разрѣшеніе на постройку церквей и монастырей губернаторы. Синодъ возсталъ противъ этого, такъ какъ къ нему со всѣхъ концовъ Россіи начали поступать заявленія объ увеличеніи числа совращенныхъ. Дѣйствительно, расколъ окрѣпъ въ это время матеріально, приобрѣлъ вліяніе на всю администрацію и пользовался во всѣхъ отношеніяхъ большими удобствами жизни и болѣею свободою, чѣмъ весь остальной закрѣпощенный людъ. Расколъ началъ считаться уже не сотнями тысячъ, а милліонами. Члены синода настоятельно потребовали отъ оберъ-прокурора, князя Голицына, чтобы онъ доложилъ объ этомъ государю и уяснилъ, на какихъ основаніяхъ церковь полагаетъ возможнымъ единеніе и за какими предѣлами нельзя допускать общественное богослуженіе. Государь, дѣйствительно, увидалъ, что расколъ и ереси растутъ, а присоединяющихся къ единовѣрїю почти

не стало. Нужно было отстать отъ прежней программы, слушать не мистика Голицына, а охранителя Шишкова. Дойти до полной вѣротерпимости было нельзя: Россія крѣпостная не могла пользоваться свободою въ своихъ духовныхъ отправленіяхъ. Государь понялъ это, и остановилъ дальнѣйшее развитіе вѣротерпимости. По поводу построенія съ дозволенія губернатора въ Вольскѣ старообрядческой церкви онъ издаетъ въ ноябрѣ 1817 года указъ, гдѣ строго воспрещается разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ кому бы то ни было изъ свѣтской власти. Въ декабрѣ того же года онъ дѣлаетъ замѣчаніе двумъ губернаторамъ за дозволеніе устройства близъ Саратова старообрядческой обители и построенія раскольническихъ часовенъ въ Чугуевкѣ и Боровскѣ. Синодъ, видя, что государь удовлетворилъ его настояніе, началъ самъ возбуждать дѣла о недозволенныхъ постройкахъ церквей. Дѣлъ возникло множество. Чтобы прекратить это, въ 1822 году былъ изданъ указъ, по которому запрещено было входить въ разсмотрѣніе и разслѣдованіе о тѣхъ церквахъ, сѣнтахъ и часовняхъ, которые уже были построены, но затѣмъ къ постройкамъ новыхъ не дозволено было допускать ни по какому случаю. Мало того. Всѣ льготы, данныя сектантамъ въ началѣ царствованія, были отняты, и даже къ нѣкоторымъ изъ нихъ примѣнена была прежняя строгость. Страннымъ исключеніемъ изъ этого только составляютъ скопцы. Въ отношеніи этой, болѣе вредной секты мы видимъ снисхожденіе, видимъ защиту какою-то скрытой силы. Вотъ чтó говорятъ документы.

Въ 1807 и 1808 годахъ по поводу распространенія скопчества въ Орловской губерніи были изданы законы, по которымъ повелѣно было всѣхъ оскопленныхъ сдавать въ солдаты, зачитывая ими рекрутскую очередь. Но секта эта получала годъ отъ году все болѣе и болѣе распространеніе. Возбуждены были дѣла въ Рязанской, Симбирской и другихъ губерніяхъ. Губернаторы всѣ единогласно доносили, что вредъ этой секты требуетъ болѣе строгихъ мѣръ, чѣмъ отдача въ солдаты, особенно въ отношеніи оскопителей. Не имѣемъ данныхъ, чтобы сказать почему, но замѣчательно, что въ отвѣтъ на всѣ эти заявленія былъ изданъ 14 марта 1814 года такой указъ: «объявить тѣмъ скопцамъ, которые будутъ скрывать, гдѣ они оскоплены, что съ ними поступать, какъ съ ослушниками, а тѣхъ, которые чистосердечно признаются, отнюдь не преслѣдовать». Что же изъ этого вышло? Вышло то, что всѣ скопцы чистосердечно признавались, что они сами себя оскопляли и потому оставались безъ преслѣдованія. Эта ужасная секта росла съ

неимоверною быстротою. О такихъ небывалыхъ льготахъ узнали заграничные скопцы, вышедшіе во время гоненій въ турецкія провинціи, и массами стали возвращаться въ Россію. Возвращались по преимуществу оскопители и распространители секты. Не было возможности оставить въ силѣ законъ 14-го марта, но, не желая докладывать государю, хотѣли обойти законъ постановленіемъ комитета министровъ. И, дѣйствительно, 11-го мая 1815 г. комитетъ сдѣлалъ распоряженіе «чтобы изъ-за границы скопцовъ не впускать, а кои оскопили себя въ границахъ, съ таковыми поступать по силѣ указа сената отъ 8-го октября 1808 г., т. е. отдавать въ солдаты». Редакція указа такова, что постановленіе о примѣненіи закона 8-го октября какъ будто относится только къ выходцамъ, а не ко всѣмъ скопцамъ; можно было и наоборотъ объяснить ее, какъ отмѣну высочайшаго повелѣнія 14-го марта. Какъ и слѣдовало ожидать, явились недоразумѣнія, запросы.

Между тѣмъ, скопчество пріютилось въ самомъ Петербургѣ и въ обширныхъ размѣрахъ, что обнаружилось слѣдствіемъ по поводу смерти отъ оскопленія крестьянина Петрова. На этотъ разъ комитетъ министровъ вошелъ съ представленіемъ въ государю и далъ заключеніе, что отдача въ солдаты не останавливаетъ распространеніе ереси и что слѣдуетъ способныхъ отсылать въ войска Сибири и Грузіи, а неспособныхъ въ иркутскую губернію. Несмотря, однако, на всѣ доводы комитета, Александръ I держался прежнихъ возрѣній и велѣлъ Араччееву передать, что эту мѣру возможно принять только въ отношеніи оскопителей и зачинщиковъ. На другой годъ, когда губернаторы сдѣлали запросъ комитету министровъ, — слѣдуетъ ли ссылатъ въ войска Сибири и Грузіи самооскопителей, комитетъ далъ весьма уклончивый отвѣтъ: въ этихъ случаяхъ должно каждый разъ входить съ особымъ представленіемъ въ сенатъ; но государь собственною рукою сдѣлалъ на этомъ постановленіи такую резолюцію: «сила наказанія, опредѣленная 4-го августа 1816 года на зачинщиковъ и на тѣхъ, кои производятъ оскопленіе, должна быть распространена и на тѣхъ людей, кои сами себя оскопили». Не прошло двухъ лѣтъ, какъ выходитъ новый законъ, впрочемъ, не опубликованный, не гласный (1-го января 1819 г.), по которому упомянутое наказаніе вѣдно относится только до тѣхъ скопцовъ, которые оскопили себя послѣ закона 4-го августа 1816 года, что, разумѣется, равносильно было полной отмѣнѣ этого закона, такъ какъ всѣ скопцы оказывались самооскопленными чуть не съ малолѣтства; медицинское же освидѣтельство-

ваніе при средствахъ того времени не могло дать точныхъ указаній о времени ихъ оскопленія.

Какъ извѣстно, конецъ царствованія императора Александра I ничего не имѣетъ общаго съ его началомъ. Молодой монархъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ сохранившихся еще въ его памяти наставленій Лагарпа, долженъ былъ на все смотрѣть благодушно и былъ въ полной увѣренности съ своими молодыми друзьями, что добрыя слова и желанія властителя непосредственно перейдутъ въ добрыя дѣла сложнаго государственнаго механизма, уже испорченнаго и заржавѣвшаго во всѣхъ частяхъ. Узнать народъ и сообразно съ его нуждами и требованіями разобрать государственное устройство съ его надстройками — объ этомъ никто тогда не думалъ. Все дѣйствовало на-угадаъ, ощупью, безъ всякой системы, не справляясь съ прошлымъ и не предвидя послѣдствій въ будущемъ. Въ этомъ хаосѣ и неустойчивости одинаково возможно было появленіе законовъ, напоминающихъ чуть не постановленія конвента о правахъ чело-вѣка, и такихъ законовъ, которые являлись какъ-бы скопомъ съ учрежденій XIV-го или XV-го вѣковъ. Все дѣло заключалось только въ томъ, кого случай приближалъ къ государю — Чарторижскаго, Новосильцева, Сперанскаго, первыхъ убѣжденных, или Аравчеева, Шишкова и проч. Точно такъ же и въ отношеніи раскола мы видимъ — нынче законъ полной свободы, завтра — стѣсненія, противорѣчія. Только съ двадцатыхъ годовъ начинаются болѣе послѣдовательныя распоряженія, и то потому только, что они шли къ ограниченію и къ стѣсненію правъ старообрядчества.

Дѣйствительно, съ двадцатыхъ годовъ начинается весьма строгій надзоръ за сектантами и старообрядцами. Духоборцы и молокане тотчасъ же выселяются въ таврическую губернію, причемъ распространители ученія подверглись уголовному суду. Сектанты-субботники выселились на Кавказъ въ пограничныя мѣста, а распространителей отвели въ уголовный судъ. Даже скопцовъ начали поголовно всѣхъ отдавать на службу въ войска Сибири и Грузіи, а неспособныхъ ссылать на жительство въ иркутскую губернію. Было обращено также вниманіе на согласія, неприемлющія священства, въ особенности на еедосѣвцевъ. Указомъ 11-го апрѣля 1820 года вѣнено было полиціи въ обязанность слѣдить, чтобы въ домахъ владимирскихъ раскольническихъ обществъ люди жили съ паспортами, чтобы они имѣли опредѣленный родъ жизни, а съ остальными поступать какъ съ бродягами. «Женщины безъ дѣла и письменныхъ видовъ, — говорится въ указѣ, —

а тѣмъ болѣе молодыя должны быть тотчасъ выслаемы». Въ особенности государь негодовалъ на Преображенское кладбище: «Къ немалому моему удивленію,—пишетъ Александръ I князю Голицыну, московскому генералъ-губернатору, и князю Лобанову-Ростовскому, министру юстиціи,—дошло до свѣдѣнія моего, что упомянутое общество, удаляясь отъ правилъ тишины, въ непремѣнную обязанность онаго поставленныхъ, возродило въ 1816 г. при выборѣ новыхъ попечителей разныя раздоры; что, кромѣ сего, въ богадельномъ домѣ разсѣваются вредныя правила, какъ-то: неповиновеніе властямъ и закону, развращеніе браговъ и т. п. Дозволивъ учрежденіе богадельнаго дома, какъ установленіе, цѣлью благотвореніе имѣющее, не можно было предполагать, чтобы изъ сего возродиться могли пренія по ереси, въ кои присутственнымъ мѣстамъ должно будетъ вмѣшиваться». Дѣло въ томъ, что на Преображенскомъ кладбищѣ явились раздоры и разногласія, новыя толки, новыя ученія. Споръ этотъ доведенъ былъ до правительственныхъ установленій, гдѣ указывали, что нѣкто Гнусинъ, проживающій въ богадельномъ домѣ безъ паспорта, проповѣдуетъ возмутительное ученіе и нарушаетъ тѣмъ покой и благочиніе послѣдователей и основателей богадельнаго дома. Завязалось дѣло, и дѣло — хлѣбное, перешедшее послѣ въ сенатъ. Узнавъ объ этомъ, государь дѣло велѣлъ прекратить, Гнусина сыскать и предать суду, а затѣмъ строго запретилъ правительственнымъ властямъ вмѣшиваться въ церковныя раздоры старообрядчества. Богадельный домъ Александръ I не закрылъ, но издалъ въ 1823 г. особыя правила надзора за нимъ, гдѣ, между прочимъ, было указано: «1) метрическихъ книгъ не заводить, «дабы сіе не принято было за утвержденіе раскольническаго общества», а вѣдать ихъ полиціи; 2) совратителей изъ православія предавать суду, и 3) такъ какъ, вмѣсто богадельнаго, этотъ домъ сдѣлался «гнѣздомъ раскола и убѣжищемъ бѣглыхъ и опасныхъ людей», то повелѣно, чтобы подкидышей держать только до 14-ти лѣтъ, престарѣлыхъ — начиная съ 50-ти лѣтъ, молельня и келій не устраивать, и чтобы за всѣмъ этимъ строго наблюдала полиція. Но строгость этихъ правилъ не уменьшила значенія Преображенскаго кладбища, сохранившагося до настоящаго времени.

Впрочемъ, относительно сѣтъ, приѣмлющихъ священство, былъ изданъ 26-го марта 1822 года весьма льготный законъ, гдѣ, между прочимъ, сказано было, что ежели бѣглый попъ не совершитъ преступленія, то его оставлять на мѣстѣ у раскольниковъ, какъ такого человѣка, конимъ не дорожать, а

на требованіе духовенства о высылкѣ ихъ отвѣчать: «они находятся на своихъ мѣстахъ». Гдѣ у раскольниковъ нѣтъ молитвенныхъ домовъ или церквей, — говоритъ тотъ же указъ, — тамъ бѣглыхъ священниковъ не держать ни подъ какимъ видомъ, а гдѣ они есть, «приказать для порядка вести метрики и представлять о томъ вѣдомости ежегодно гражданскому начальству». Въ это же самое время были преподаны православному духовенству правила, чтобы священники кротостью, поведеніемъ и твердымъ познаніемъ закона Божьяго должны противостать распространенію раскола. Говорилось, чтобы посланы были миссіонеры для увѣщеванія совратившихся, и указывалось, что образованіе дѣтей въ училищахъ есть средство, которымъ съ наибольшимъ успѣхомъ можно дѣйствовать къ отвращенію и постепенному прекращенію всякаго рода вѣрозаблужденій.

Что касается гражданскихъ правъ раскольниковъ, то въ царствованіе Александра I были изданы 27-го мая 1820 года правила объ избраніи ихъ въ должности по купеческимъ и мѣщанскимъ сословіямъ. Правилами этими устанавливалось, чтобы раскольники выбирались въ должности при ограниченномъ числѣ православныхъ и то только изъ сектъ, приѣмлющихъ священство. Безпоповцевъ дозволялось допускать къ выборамъ, съ разрѣшенія, впрочемъ, министра внутреннихъ дѣлъ, только тѣхъ сектъ, кои молятся за царя и приѣмлютъ бракъ; остальные секты — молокане, духоборцы, субботники, хлысты, скопцы — къ выборамъ вовсе не допускались. Наконецъ, въ самомъ концѣ своего царствованія, 14-го марта 1825 года, въ виду осложненія вопроса о расколѣ, какъ по внутреннему содержанію вновь открывающихся ученій, такъ и по распространительности его, государь учредилъ секретный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ кievскаго митрополита Евгенія, изъ членовъ — министра внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая судьбы раскола измѣняются. Послѣ суровыхъ гоненій, въ силу новыхъ вѣнаній и личныхъ воззрѣній государей, при Павлѣ I и Александрѣ I-мъ, расколъ мало-по-малу получилъ право гражданства и свободнаго существованія въ имперіи. Внутреннія силы самихъ сектантовъ дали возможность имъ воспользоваться терпимостью этого промежутка и настолько окрѣпнуть, что въ 1825 году они уже представляли изъ себя могущественную и значительную числомъ оппозицію, съ которой справиться одними гоненіями прежнихъ лѣтъ нельзя было, а требовалась особая система, настолько же стойкая и твердая, какъ они сами. Мы уже видѣли,

что еще въ царствованіе Александра церковь отступилась отъ раскола и всецѣло передала его въ руки свѣтской власти. Слѣдовательно, борьба съ расколомъ завѣщана была императору Николаю I на чисто-политическомъ полѣ; но ему также завѣщана была неровность и непослѣдовательность мѣръ законодательства, что или возбуждало въ расколѣ неудовольствіе, или порождало въ немъ неоправдываемыя надежды. Кромѣ того, допущенная его предшественниками нѣкоторая вѣротерпимость въ отношеніи раскола не была вполне разграничена соотвѣтственно приносимому вреду сектантскихъ ученій, и потому нерѣдко пользовались послабленіями секты, явно противонаравственныя, а секты высшаго христіанскаго ученія и сами-по-себѣ вовсе безвредныя оставались подѣ произволомъ мѣстной власти. Въ періодъ царствованія императора Николая I расколъ вступаетъ въ сферу иныхъ отношеній. Ему приходится теперь бороться съ цѣльною системою болѣе стойкаго государственнаго управленія, напрягать всѣ свои внутреннія силы къ самосохраненію, и не однимъ пассивнымъ противодѣйствіемъ — самосоверщаніемъ или мистицизмомъ, но работою надъ самимъ собою, надъ своимъ обществомъ и негласнымъ самоуправленіемъ.

III.

Съ 30-хъ годовъ расколъ подвергся въ первый разъ послѣдовательному преслѣдованію. Это преслѣдованіе не имѣло характера прежнихъ гоненій; напротивъ, высшая сторона отношенія правительственной власти къ расколу какъ-будто сохранила тотъ же самый отпечатокъ терпимости, какой обнаруженъ былъ въ царствованіе Петра III и Еватерины II, Павла I и Александра I; за то теперь преслѣдованія касались внутренней жизни раскола, били по его живымъ силамъ. Преслѣдованіе ересеначальниковъ, уничтоженіе мѣстъ общественнаго богослуженія, послѣдовательное непризнаваніе въ жизни старообрядчества чего-либо отдѣльнаго, общественнаго, лишеніе въ пользованіи гражданскими правами, вытекающими изъ таинствъ брака, крещенія, какъ, на примѣръ, непризнаваніе законнорожденности, — вотъ тѣ принудительныя средства, къ которымъ прибѣгло правительство, начиная съ 30-хъ годовъ. Съ общей точки зрѣнія законодательства и взглядовъ высшихъ инстанцій видна была какъ-бы терпимость, но терпимость безъ права общественнаго богослуженія, безъ «вышняго оказательства» принадлежности къ расколу; видно было от-

сутствие преслѣдованія, но съ наложеніемъ строгаго запрета распространенія ученія, совершенія обрядовъ служителями старообрядчества и наказаній совратителямъ и совращеннымъ. Если наверху говорилось, что правительство не преслѣдуетъ собственно за мнѣнія о вѣрѣ, то внизу — полиція, суды уголовныя закрывали церкви, скиты, моельни, забирали и сажали въ тюрьму собравшихся на молитву въ частные дома, повсюду искали и находили совратителей и совращенныхъ. Въ итогѣ — нескончаемыя дѣла, бездна колодниковъ, постоянныя ссылки. Положеніе старообрядчества ухудшалось еще тѣмъ, что въ 30-хъ годахъ административныя силы государства достигли высшаго предѣла, связаны онѣ были однимъ узломъ военной субординаціи, а при случаѣ поддерживаемы и войскомъ. Старообрядчеству нѣкуда было скрыться отъ надзора тайной полиціи; оно прикрѣплено было къ мѣсту, на которомъ покой и безопасность каждаго изъ нихъ зависѣли отъ усмотрѣнія начальства, въ большинствѣ случаевъ покупаемаго весьма и весьма дорогою цѣною.

Разумѣется, подобная система, какъ система управленія всего государства, развивается не съ-разу. Надобно было присмотрѣться къ явленіямъ народной жизни, и уже послѣ, крупными мѣрами, подавить «церковное мятежничество», въ которомъ замѣтными чертами стали проглядывать недовольства политическаго характера. Какъ послѣдователь самой сильной централизаціи, императоръ Николай I рѣшился всѣ дѣла по расколу сосредоточить въ одномъ мѣстѣ, подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ. Когда комитетъ министровъ увидалъ, что поступающихъ на его разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ по расколу годъ отъ году становится болѣе, то сдѣлалъ постановленіе (16-го февраля 1826 г.), чтобы дѣла этого рода оканчивались разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ губернаторовъ. Государь не согласился на это и собственноручно написалъ: «оставить по-прежнему». Съ этою же цѣлью онъ велѣлъ внести въ проектъ учрежденія III-го отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, какъ въ установленіе государственной полиціи, также и дѣла по расколу. 3-го іюля того же 1826 года, вышло высочайшее повелѣніе объ упраздненіи особаго отдѣленія министерства внутреннихъ дѣлъ и объ учрежденіи, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, третьяго отдѣленія, предметомъ занятій котораго между прочимъ (пунктъ 2-й) было положено «собираніе свѣдѣній о числѣ существующихъ въ государствѣ разныхъ сектъ и расколовъ».

Когда такимъ образомъ сосредоточены были дѣла и свѣдѣнія о раскольникахъ во всей имперіи въ III-мъ отдѣленіи, въ коми-

тѣхъ министровъ и въ особомъ секретномъ комитетѣ, то прежде всего обнаружилось, что уклоненіе отъ вѣры и обрядовъ православной церкви разбивалось на множество согласій, толковъ, сектъ, изъ коихъ нѣкоторыя были чисто еретическаго характера и даже сопряженныя съ изуверствомъ. Затѣмъ обнаружилось, что развитіе единовѣрческихъ церквей было чрезвычайно слабо, и мысль о соединеніи поклонниковъ стараго обряда черезъ единовѣріе почти не осуществлялась, что, напротивъ, согласія, приемлющія священство и отвергающія его, т.-е. собственно старообрядчество поддерживалось и крѣпилось взаимнымъ общеніемъ и самопомощію послѣдователей, значительными общественными капиталами и правомъ общественнаго богослуженія, т.-е. тѣмъ, что имѣло у себя монастыри, скиты, церкви, молельни, богоугодныя, благотворительныя заведенія и проч. Наконецъ, дознано также было, что, вромѣ старообрядчества, на почвѣ русской народности возникло множество сектъ, у которыхъ за внѣшнимъ культомъ богослуженія лежала цѣлая программа анти-государственныхъ началъ, связывающихъ послѣдователей ея въ крѣпкія и стойкія общины, отвергавшія внѣшнюю власть и тѣмъ болѣе ея централизацию.

Понятно, что первыя дѣйствія правительства были направлены противъ послѣднихъ сектъ. Сводцовъ велѣно было ссылать на службу въ сибирскій корпусъ или оставлять тамъ на поселеніи; ссылать велѣно всѣхъ безъ исключенія: малолѣтнихъ отдавать въ флейтчики и барабанчики, отъ взрослыхъ не принимать никакихъ отговорокъ, что они были осклоплены въ малолѣтствѣ, во снѣ, неизвѣстными людьми, или что сдѣлались такимъ отъ ушиба, болѣзни и проч. (30 янв. 1826 г.). Духоборцевъ изъ казаковъ приказано было ссылать на кавказскую линію, а изъ помѣщичьихъ крестьянъ отдавать въ рекруты съ зачетомъ или ссылать на поселеніе въ Сибирь. Молоканамъ не велѣно было выдавать плаватныхъ паспортовъ для заработковъ, и даже воспрещено было отлучаться изъ своихъ селеній безъ вѣдома полиціи (10 апрѣля 1826 г.). Противъ субботниковъ было издано высочайшее повелѣніе, чтобы малолѣтнихъ и женщинъ, производящихъ по жидовской ереси обряды, сдавать или въ военно-сиротскія заведенія или на казенныя фабрики вѣдомства министерства финансовъ. Совратченныхъ велѣно было сдавать въ солдаты, а совратителей и подговорщиковъ приказано преслѣдовать по всей строгости законовъ (3 іюня 1826 г.). Зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій не велѣно было принимать ни за кого изъ поименованныхъ сектъ. Впрочемъ, нѣкоторыхъ изъ

ересеначальниковъ въ началѣ царствованія приказано было посылать на увѣщанія въ монастыри; такъ, напримѣръ, купецъ Семень Швецовъ былъ посланъ въ Спасо-Евфимьевскій монастырь, поручикъ Богдановъ — въ Валаамскій.

Что касается старообрядцевъ приѣмлющихъ и неприѣмлющихъ священство, то противъ нихъ не съ разу были приняты крупныя мѣры. Напротивъ, въ одномъ изъ первыхъ указовъ мы находимъ такое постановленіе: «Имѣя въ виду, что какъ въ Пермской, такъ и въ другихъ губерніяхъ находится старообрядцевъ весьма значительное число и всѣ они совершаютъ браки, крещеніе рождающихся младенцевъ и погребеніе умершихъ по своимъ обрядамъ, то мѣстныя начальства не должны входить ни въ какія изслѣдованія о таковыхъ старообрядцахъ; ибо отъ сего могутъ произойти большія безпокойства, а надлежитъ только наблюдать, дабы они никого изъ православныхъ не совращали въ свой расколъ». Но, оставляя терпимымъ совершеніе обрядовъ, правительство направило свои запрещенія на условія, при которыхъ совершаются они. Прежде всего оно издаетъ нѣсколько послѣдовательныхъ указовъ о недовolenіи старообрядцамъ вновь строить и чинить старые молитвенные дома и церкви: «Раскольниковъ, — говоритъ, напримѣръ, указъ 5 іюля 1827 г., — по извѣстному ихъ упорству и ожесточенію въ своихъ заблужденіяхъ, легко могутъ подъ предлогомъ поправокъ или передѣловъ въ молебныхъ своихъ устраивать оныя вновь». Оно не дозволяетъ старообрядцамъ принимать бѣглыхъ поповъ. Въ указѣ московскому генералъ-губернатору князю Голицыну, на представленіе его, что въ Москвѣ на старообрядческихъ кладбищахъ находится множество бѣглыхъ поповъ, государь отвѣтилъ: «чтобъ нынѣ находящихся оставлять въ покоѣ, но новыхъ не дозволять отнюдь принимать». Казалось бы, что въ силу этого закона убѣжавшіе въ расколъ священники не должны быть преслѣдуемы; но синодъ просилъ оберъ-прокурора князя Мещерскаго доложить государю, «что слѣдуетъ признавать самый побѣгъ священника отъ своего мѣста и должности къ раскольникамъ за преступленіе тяжкое, требующее неопустительнаго правосудія». Ссылаясь на соборныя постановленія, на духовный регламентъ, на невѣрность убѣжавшихъ поповъ церкви и государю, синодъ добавляетъ: «сіе клятвопреступленіе бѣглыхъ священниковъ увеличивается еще тѣмъ, что, присоединяясь къ раскольникамъ, они даютъ имъ противоположную присягу, въ которой ученіе и обряды православной церкви называютъ еретическимъ злочестіемъ, и даже нѣкоторые гражданскіе обычаи, принятыя правительствомъ, проклиняютъ».

Представленіе это было уважено, и священство, состоящее въ старообрядцествѣ, должно было совершать богослуженіе тайно, дабы не попасться въ руки полиціи.

Обративъ вниманіе на мѣста, гдѣ совершалось богослуженіе старообрядцевъ, и на лицъ, которыя совершали ихъ, правительство обратило большое вниманіе на благотворительныя ихъ заведенія, въ которыхъ, какъ извѣстно было, старовѣры совершали свои обряды, укрывали своихъ учителей, и которыя вообще служили источникомъ старообрядческихъ ученій. Такихъ богаделенъ было множество. Первое мѣсто изъ нихъ занимали московскія Преображенское и Рогожское кладбища, затѣмъ богадельня рижскихъ старообрядцевъ, богадельня купца Папушина въ Судиславлѣ, Ситминская богадельня въ Вятской губерніи и мн. др. Значеніе этихъ мѣстъ для старообрядцевъ было громадное. Оттуда истекали правила ихъ согласій, обрядовая сторона культа, снабженіе молитвенными книгами, наконецъ, матеріальная помощь. Въ этихъ мѣстахъ старообрядчество находило свое единеніе, свою силу. Правительство сознавало это, но не сразу коснулось ихъ преобразованія, а начало съ одной изъ незначительныхъ богаделенъ—съ богадельни купца Папушина. Высочайшимъ повелѣніемъ 23 января 1830 года было указано, чтобы въ этой богадельнѣ были оставлены по письменнымъ видамъ только лица не моложе 50 лѣтъ; мальчиковъ же велѣно было отобрать и отдать въ ближайшіе батальоны кантонистовъ. «Устроенымъ въ сей богадельнѣ молебнымъ, — говоритъ далѣе указъ, — на основаніи правилъ благочинія публичными не быть, а оставить ихъ только для употребленія живущихъ въ богадельномъ домѣ». «Крепчайшую уничтожить и перекрещиваніе въ ономъ воспретить». Наконецъ, пріемъ новыхъ лицъ въ богадельню былъ вовсе воспрещенъ, и сама богадельня оставлена была только по живнъ Папушина, послѣ чего должна была поступать въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія. Этимъ было положено начало одному изъ самыхъ тяжелыхъ постановленій для раскола. Закрытіе или присоединеніе къ приказамъ призрѣнія богаделенъ уничтожало самый источникъ старообрядчества. Оно долго боролось противъ этой мѣры; приведеніе ея въ исполненіе долго не двигалось впередъ даже и въ то крутое время, а Преображенское и Рогожское кладбища, несмотря на всѣ усилія правительства, успѣли отстоять свою самостоятельность.

Впрочемъ, въ тѣ же первые годы царствованія Николая I было принято не мало мѣръ предупредительныхъ. Такъ, государь нѣсколько разъ повелѣвалъ синоду обратить особенное вниманіе на

образованіе и нравственность священнослужителей, въ особенности въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе былъ развитъ расколъ. Особенною заботою государя пользовалось учрежденіе миссіонерствъ. Такія миссіи были посланы въ пензенскую губернію, гдѣ развились въ то время секты молоканская и іудействующихъ, въ пермскую губернію, гдѣ почти все населеніе состояло въ расколѣ, и въ другія мѣста. Насколько государь озабоченъ былъ этимъ дѣломъ, можно видѣть изъ того, что при учрежденіи ордена св. Анны 14 апрѣля 1829 г., онъ нашелъ необходимымъ ввести въ статутъ постановленіе, что «въ ордену соприсчисляются духовные, обратившіе въ церкви значительное число раскольниковъ и особливо такихъ сектъ, кои признаются упорнѣйшими и вреднѣйшими, каковы: іудействующіе, молокане, духоборцы, перекрещиванцы и пр.».

Несмотря однако на всѣ эти мѣры, расколъ росъ и укрѣплялся, а секты съ самыми непонятными уклоненіями не только отъ православія, но и вовсе отъ христіанства, являлись все новыя и новыя. Остановить это духовно-нравственное броженіе народа правительство не могло даже такими сильными и послѣдовательными мѣрами, какія принимало. Ясно, что здѣсь играли роль другіе факторы, лежащіе глубоко въ строѣ народной жизни. И дѣйствительно, крѣпостное право въ то время приняло самый острый характеръ. Продавали людей на базарахъ, мѣняли ихъ на борзыхъ щенковъ и проч. Государственные, удѣльные, горнозаводскіе крестьяне терпѣли не менѣе. Окружные начальники засѣвали крестьянъ до смерти, горнозаводскіе управители бросали непослушныхъ въ доменные печи, шпицрутены служили защитою и охраною интересовъ откупщиковъ, постоянные наборы на двадцатипятилѣтнюю службу, гдѣ царило въ то время правило: «десять забей, одного выучи»—все это глубоко отражалось на народной жизни и само собою возбуждало въ народномъ самосознаніи самыя причудливыя фантазіи. Если добавить къ этому, что у народа не было такого духовенства, которое могло-бы успокоить совѣсть угнетенныхъ, влить въ нихъ надежду и теплую вѣру въ лучшее будущее, что, вмѣсто духовныхъ наставниковъ, народъ часто видѣлъ въ духовенствѣ невѣжество, корыстолюбіе, развратъ, пьянство и полную рабскую подчиненность епархіальному начальству, помѣщику и даже полиціи,—то весьма понятно станеть, почему онъ слушалъ всякаго учителя и всякое ученіе, лишь бы чѣмъ-нибудь восполнить стремленія своей набогѣвшей души. Проповѣдуетъ какую-то чушь простая баба Акулина—является секта Акулиновщина; несетъ небылицы отставной сол-

дать 12-го года о Наполеонѣ—составляется секта наполеоновщина. Или вотъ еще примѣръ: ревизовавшій государственныя имущества въ Тверской губерніи чиновникъ обнаружилъ въ Никольскомъ сельскомъ обществѣ секту, отличающуюся тѣмъ, что женщины послѣ рожденія перваго сына перестаютъ беременить. Дѣло это обратило на себя вниманіе высшаго правительства. Затребованы были отъ губернатора свѣдѣнія, снаряжена особая коммиссія. Оказалось, что не только совратившіяся, но всѣ почти окрестныя православныя жители заражены были расколомъ, основанномъ на ложномъ толкованіи 38 главы книги Бытія, и что главною цѣлью его было избѣжаніе рекрутской повинности. Положимъ, секта эта существовала не долго; но мы привели ее, какъ доказательство, что въ отпаденіи играли значительную роль гнѣтъ народа и его безпомощность. Въ саратовской губерніи, несмотря на строгія мѣры противъ тамбовскихъ молованъ, секта эта распространилась въ значительномъ размѣрѣ; но такъ какъ ученіе этой секты не могло быть передано саратовскимъ крестьянамъ во всей чистотѣ, ибо учителей жестоко наказывали, то они его обставили негѣпостями въ родѣ того, что при молитвословіяхъ ѣдали верхомъ на вочергахъ, били въ сковороды, бѣгали какъ сумасшедшіе и проч. (Донесеніе саратовскаго губернатора. Указъ синода 15-го мая 1835 г.) И здѣсь видно, что для народа нужна была какаа-либо вѣра, какою-либо обрядъ, лишь-бы чѣмъ-нибудь наполнить свою истерзанную душу и чѣмъ-нибудь занять свой отуманенный умъ.

Но правительство оставалось при своей системѣ: бѣльшее сопротивленіе раскола побуждало его принимать все бѣльшія и бѣльшія строгости. Высочайшимъ повелѣніемъ 20-го ноября 1830 года повелѣно было, въ сектахъ духоборцевъ, иконоборцевъ, молованъ, іудействующихъ, гѣхъ, «кои привлекали другихъ въ своей ереси или изобличены были въ соблазнахъ, буйствѣ и дерзости противъ церкви и духовенства православной вѣры»,сылать на службу въ кавказскій корпусъ, а неспособныхъ и женщинъ селить въ Закавказьѣ. Давъ такое широкое примѣненіе отвѣтственности, доходящее почти до признанія виновности за одно состояніе въ расколѣ означенныхъ сектъ, законъ оградилъ преслѣдованіе только тѣмъ, что всѣ дѣла этого рода должны были восходить черезъ комитетъ министровъ до высочайшаго свѣдѣнія. Между тѣмъ на практикѣ, сколько намъ извѣстно, правила 20-го ноября получили значеніе прямого гоненія: бѣлье защиточныя сектанты брались подъ караулъ и подвергались преслѣдованію, какъ ересеначальники; самыя безвинныя и незначи-

тельные собранія для моленія приводили хозяина дома къ отвѣтственности за соблазнъ. Только значительные выкупы спасали иногда невинныхъ отъ «бѣлой ленты» и отъ многолѣтняго сидѣнія въ тюрьмѣ. Молокане и духоборцы тамбовской, воронежской и другихъ губерній начали обращаться съ просьбою о переселеніи ихъ въ новороссійскій край къ своимъ единовѣрцамъ. Въ этомъ имъ отказали, а дозволили заселять только отдаленныя мѣста закавказскаго края. И, несмотря на дальній и опасный путь, несмотря на всѣ неудобства переселеній въ то время, цѣлыя села—и зажиточныя села—поднимались со всѣмъ своимъ скарбомъ, дѣтьми, и уходили по военно-грузинской дорогѣ въ невѣдомыя земли, лишь бы избавиться притѣсненій мѣстнаго начальства. Впрочемъ, правительство помогало этимъ несчастнымъ за время пути, продовольствіе имъ отпускалось казенное; по прибытіи, въ малолѣсныхъ мѣстахъ выдавалось на обзаведеніе по 100 руб., въ лѣсныхъ по 50 руб. Селить ихъ велѣно было не въ одномъ, а въ разныхъ мѣстахъ; причемъ приписываться къ городамъ дозволено было только впоследствии по особому ходатайству барона Ровена (отца игуменьи Митрофаніи), который весьма сочувственно отнесся къ этимъ эмигрантамъ Закавказья и не разъ ходатайствовалъ за нихъ передъ высшимъ правительствомъ объ облегченіи ихъ участи и о дозволеніи отлучаться для заработковъ, что до того времени было воспрещено.

Богатыя земли, свобода въ отправленіи богослуженія, относительная свобода въ жизни, начали привлекать въ Закавказье множество ссылаемыхъ. И по слухамъ, и по свидѣтельству возвращавшихся оттуда, они узнавали, что ихъ единовѣрцы богатыли и зажили тамъ на славу. Слухъ этотъ разнесся между молоканами и между православными. Православные тоже бросились на переселенія; но они не обладали тою общностью интересовъ, какая поддерживалась у сектантовъ ихъ ученіемъ, и имъ трудно было справиться съ новыми условіями хозяйства, притомъ они были гораздо бѣднѣе поселенцевъ-сектантовъ. Видя матеріальное преимущество и безупречную нравственность сектантовъ, православные поселенцы почти всѣ переходили въ ихъ согласія. А это послужило поводомъ къ тому, что съ 1838 года были прекращены добровольныя переселенія сектантовъ и остались только въ видѣ ссылки по приговорамъ судовъ уголовныхъ. Правительство убѣдилось тогда, что обособленіе сектантовъ не только не уменьшаетъ распространеніе сектъ, а, напротивъ того, увеличиваетъ его, такъ какъ новообращенцы къ числу другихъ побудительныхъ причинъ отпаденія ставили также и возможность пере-

селенія на свободныя земли, гдѣ они знали, что у нихъ одновѣрцовъ царствовало довольство.

Что касается до сектъ, остававшихся въ Россіи, то противъ нихъ правительство принимало самыя строгія мѣры. Мелитопольскихъ молоканъ, напримѣръ, къ которымъ такъ снисходителенъ былъ Александръ I, не дозволено было отпускать во внутреннія губерніи. Даже неурожаи 1833 года не сдѣлали исключенія изъ этого правила, и на просьбу молоканъ повелѣно было прискаты имъ работу въ Крыму. Когда дошло до государя свѣдѣніе о сильномъ распространеніи молоканъ въ тамбовской и сосѣднихъ губерніяхъ, онъ приказалъ принять слѣдующія двѣ мѣры: 1) составить списокъ ересеначальниковъ и вліятельныхъ лицъ этой секты и сослать ихъ въ Закавказье, и 2) новообращенныхъ, если они не объявятъ своихъ совратителей, подвергнуть наказанію не болѣе 10-ти человекъ, наравнѣ съ совратителями. Въ этомъ же указѣ (14 марта 1835 года) было сдѣлано предположеніе, чтобы вообще приравнять отвѣтственность совращенныхъ съ совратителями; объ этомъ даже затребованы были мнѣнія губернаторовъ. Не знаемъ, благодаря какому случаю, но этотъ законъ остался предположеніемъ и не пополнилъ такимъ образомъ и безъ того строгое наше законодательство о расколѣ.

Молоканская и духоборческія секты особенно легко пріобрѣтали любовь народа. Простота ученія, общность, аргельность, самопомощь, столь близкія складу русскаго человѣка, привлекали послѣдователей въ эти секты даже при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ, какъ, напримѣръ, среди каторжныхъ и сосланныхъ. Кромѣ того, ученія эти распространялись по преимуществу среди помѣщичьихъ крестьянъ; одно время они даже назывались «мужиговскою» сектою. Сами помѣщики не имѣли интереса преслѣдовать сектантовъ; они видѣли въ нихъ самыхъ трудолюбивыхъ, хорошей нравственности и сравнительно болѣе богатыхъ работниковъ, а потому собственная выгода заставляла ихъ если не покровительствовать, то, по крайней мѣрѣ, оставаться совершенно безразличными къ появленію ихъ въ имѣніяхъ. Съ другой стороны, правительство, охраняя и защищая въ полной силѣ владѣльческія права помѣщиковъ, не могло довести преслѣдованія помѣщичьихъ крестьянъ до того предѣла, до котораго доходило оно въ средѣ совращенныхъ изъ крестьянъ удѣльныхъ и казенныхъ. Все, что можно было сдѣлать, выразилось въ указѣ 13 февраля 1837 года, въ которомъ обращено было вниманіе, чтобы полиція всячески останавливала и предот-

вращала богослуженіе сектантовъ. «Всякое обязательство молоканской секты должно быть не только запрещено, но по возможности предотвращено надзоромъ», говорить первый пунктъ правилъ. Для этой цѣли запрещены были молоканскія собранія въ сборныхъ избахъ и частныхъ домахъ; сборныя избы велѣно ломать, проповѣдниковъ отсылать къ духовному начальству для заточенія въ монастырь, и во всякомъ случаѣ удалять отъ общества. Этими-же указомъ воспрещено было молоканамъ записываться въ купеческое сословіе, хотя бы и получившимъ свободу отъ помѣщиковъ, воспрещены были также выѣздъ съ мѣстожителства, имѣть у себя и самимъ служить у православныхъ. Такъ какъ самою тяжкою для молоканъ повинностью была рекрутская, какъ противорѣчащая духу ихъ ученія, то указомъ 9-го апрѣля 1838 года было воспрещено имъ нанимать за себя рекрута не только изъ православныхъ, но и изъ татаръ. Впослѣдствіи тѣ же правила и мѣры приняло правительство и противъ другихъ, вредныхъ сектъ, какъ-то субботниковъ, духоборцевъ, хлыстовъ, свопцовъ и др.

Въ отношеніи старообрядчества правительству приходилось бороться еще сильнѣе и еще настойчивѣе. Благодаря прежнимъ дозволеніямъ и терпимости, благодаря тому, что еще во времена гоненій старообрядчество сплотилось въ одну общую солидную массу, успѣло запасти значительными капиталами, въ царствованіе Николая I оно явилось силою, и силою значительною какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ. Богатѣйшія фирмы и вся почти торговля была въ рукахъ старообрядцевъ. Ихъ монастыри, скиты, молебни, благотворительные дома имѣли вѣрную организацію и поддерживаемы были значительными средствами. Въ Москвѣ, въ Ригѣ, на Волгѣ, по Иртызу, въ Стародубѣ, въ Перми и прочихъ мѣстахъ были устроены общественныя молебни, при которыхъ были богадельни, школы; здѣсь жили учителя и начетчики, здѣсь былъ центръ старообрядческой образованности, отсюда разсылались посланія, поддерживая и укрѣпляя старій обрядъ повсемѣстно въ имперіи. Съ этою-то вѣрною организаціею и пришлось продолжать упорную войну правительству того времени.

Мы видѣли, какія мѣры приняло первоначально правительство. 14 мая 1830 года было сообщено министру народнаго просвѣщенія, что въ Ригѣ существуетъ школа, управляемая шильскимъ мѣщаниномъ-раскольниковомъ, а такъ какъ по закону, говорить сообщеніе, «запрещено выбирать изъ раскольниковъ въ общественныя должности, а потому еще менѣе можно допустить

раскольнику быть наставнику юношества», то предполагалось школу эту закрыть, а если оставить, то на основаніи правилъ объ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ. Представленіе это было уважено, и этимъ было положено новое, весьма существенное ограниченіе для старообрядчества. Школа для старообрядцевъ составляла неотъемлемую принадлежность охраняемаго ими стараго богослуженія. Укрѣплять въ догматахъ вѣры и охранять отъ нечестивъ обрядовое богослуженіе имъ тѣмъ болѣе было необходимо, что изъ этихъ школъ выходили для нихъ священники, а для беспоповцевъ—проповѣдники ихъ ученія. Наполнять комплектъ своего духовенства изъ бѣглыхъ поповъ для нихъ было крайне опасно, да и не желательно. Строгость въ отношеніи распововъ, малая подготовленность и невысокая нравственность ихъ уже давно озабочивали старообрядчество мыслью организовать свое собственное духовенство. Въ школѣ они видѣли источникъ его, въ заграничной іерархіи старообрядства они искали правомочія для нихъ. Но, независимо отъ этого, старообрядцы, и въ особенности беспоповцы, хорошо видѣли, что при отсутствіи у нихъ церковной іерархіи, при полной безконтрольной свободѣ толкованія священнаго писанія, школа могла быть единственнымъ средствомъ противъ лжеучителей и лжетолкователей. Еще при Денисовѣ старообрядчество сознавало для себя пользу и необходимость школы. Школы были устроены повсюду—въ богадельняхъ, въ скитахъ, въ молебныхъ. Только знаніемъ хотѣли руководители раскола остановить суровый аскетизмъ и тѣ грубыя уклоненія, которыя съ такою силою распространялись въ массѣ темнаго народа. Имъ хорошо было видно, что, охраняя старыи обрядъ и ставя подъ этотъ лозунгъ всевозможные толки, проявляющіеся на безформенной почвѣ отпадшихъ, они тѣмъ болѣе будутъ отходить отъ правилъ старой церкви, чѣмъ менѣе развита будетъ въ ихъ средѣ грамотность. Въ этомъ отношеніи преслѣдованіе и уничтоженіе раскольническихъ школъ прямо и непосредственно вело къ увеличенію раскола и раскола въ формѣ «особенно вредныхъ сектъ». Но правительство не сознавало этого въ то время. Напротивъ, оно видимо убѣждено было въ противномъ, что ученіе и его обособленность у раскольниковъ дастъ имъ силу и преимущество противъ темной массы православнаго народа, и потому оно находить нужнымъ закрывать одну за другою школы, не видя того, что этимъ самымъ расколъ еще болѣе удаляется отъ истины, познаваемой только свѣтомъ знанія.

Указомъ 14 марта 1835 года повелѣно было закрыть одну изъ лучшихъ школъ Рогожскаго кладбища въ Москвѣ. «Дѣтей,

въ семь училищъ обучающихся, — говорить указъ, — родять родителямъ или родственникамъ на воспитаніе; а тѣхъ изъ нихъ, которыхъ нельзя надлежащимъ образомъ пристроить по бѣдности родителей или родственниковъ или по неимѣнію оныхъ, взять въ военные кантонисты». Суровость этого закона была сознаваема самимъ государемъ; но крайней мѣрѣ подъ указомъ его рукою было написано: «исполнить сіе съ должною осмотрительностью и безъ всякаго вида насилія». Однако, отнимая у раскольниковъ право общественнаго образованія, правительство хотѣло замѣнить его своимъ поднадзорнымъ со стороны православнаго духовенства. Ревизовавшій еще въ 1828 году олоонецкую губернію, сенаторъ Барановъ, для ослабленія раскола, признавалъ необходимымъ учредить тамъ духовныя училища съ тѣмъ, чтобы старообрядческія дѣти, «воспитываясь въ оныхъ, приносили съ собою священныя чувства православнаго христіанскаго ученія въ свои семейства». Это послужило основаніемъ правилъ 17 октября 1836 г. о духовныхъ училищахъ, которыми дано было повсемѣстное примѣненіе въ имперіи, и въ которыхъ между прочимъ сказано, что обученіемъ должно заниматься духовенство, начиная его съ дѣтей православныхъ, «дабы за ними привлечь и раскольниковъ», и, кромѣ того, «если раскольники не иначе пожелаютъ отдать дѣтей своихъ въ ученіе, какъ по книгамъ старопечатнымъ, наданнымъ въ единовѣрческой типографіи, то принимать ихъ съ симъ условіемъ и обучать по симъ книгамъ». Такимъ образомъ, первоначальное учрежденіе народныхъ духовныхъ школъ является мѣрою противъ раскола. Въ указѣ 13 февраля 1837 г. такая же мѣра предлагается монастырямъ мужскимъ и женскимъ, и указывается, что она можетъ служить не только къ уменьшенію раскола, но и къ предохраненію отъ него.

Что касается самыхъ мѣстъ богослуженія, то правительство продолжаетъ принимать въ этомъ направленіи самыя энергическія мѣры. Мы знаемъ, что еще со временъ императора Александра I существовало правило, что губернаторы могли разрѣшать раскольникамъ учрежденіе разнаго рода благотворительныхъ обществъ. Правилкомъ этимъ хотѣли воспользоваться старообрядцы, въ особенности послѣ запрещенія имъ строить и поправлять церкви, монастыри, молитвенные дома. Усиленные ходатайства, а также «посильныя благодарности», на которыя рука старообрядцевъ никогда не осудѣвала, весьма часто приводили къ удовлетворенію ихъ просьбъ о постройкѣ богаделенъ и другихъ благотворительныхъ заведеній, типомъ для которыхъ служили имъ московскія владѣнща. Указомъ 2 апрѣля 1831 года пове-

лѣно, чтобы генераль-губернаторы и военные губернаторы «сами собою не утверждали правилъ для какихъ бы то ни было обществъ, или для управленія какими-либо заведеніями безъ предварительнаго о томъ сношенія съ министерствами». Вѣдсто существовавшихъ до того правилъ о благотворительныхъ заведеніяхъ раскольниковъ, были изданы новыя, причемъ пояснено было, что всѣ эти заведенія должны носить на себѣ характеръ исключительно одного благотворенія и ничуть не быть мѣстомъ общественнаго и притомъ публичнаго богослуженія. Всѣ они подчинены были приказамъ общественнаго приврѣнія, должны были приврѣвать старыхъ и увѣчныхъ только изъ старообрядцевъ; сиротскія отдѣленія въ нихъ закрыты, выборные понечители и экономя, и притомъ утвержденные губернаторами, обязаны были представлять ежемѣсячныя вѣдомости о прибывающихъ и убывающихъ изъ богаделенъ; наконецъ, полиціи вѣднено было въ обязанность строго слѣдить за лицами, живущими въ этихъ богадельняхъ и за тѣмъ, чтобы тамъ не было вѣшняго онаятельства раскола. Приведеніе этихъ мѣръ въ богадельныхъ домахъ, не имѣвшихъ большого авторитета у раскольниковъ, производилось безъ особыхъ препятствій, но въ домахъ Петербурга и Москвы это исполнялось съ большою осторожностью. Въ 1840 году купецъ Апаровъ завѣщаль въ пользу старообрядческаго общества домъ, находящійся между Чернышевскимъ и Семеновскимъ мостами, гдѣ находилась молельня и богадельня еедосѣвскаго согласія. Секретный комитетъ постановилъ ограничить своевольство еедосѣвцевъ: домъ отдать наслѣдникамъ, а часовню съ богадельней закрыть. На этомъ журналѣ собственноручно государь написалъ слѣдующее: «исполнить; но по особой важности сего предмета нужна крайняя осторожность при исполненіи, тѣмъ болѣе, что домъ въ 3-й адмиралтейской части, среди самаго многочисленнаго стеченія народа; прежде приступленія къ закрытію молельной Бенкендорфу условиться съ военнымъ губернаторомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ о мѣрахъ исполненія и предупрежденія всякихъ притомъ безпорядковъ».

Точно также въ отношеніи московскихъ кладбищъ, правительство дѣйствовало весьма осторожно. Не сразу, но мало-по-малу стремилось оно подвести ихъ подъ общія правила. Указомъ 28 мая 1834 г. было постановлено, чтобы подидашей въ сиротскихъ отдѣленіяхъ московскихъ кладбищъ оставлять только до 3-хъ-лѣтняго возраста, остальныхъ свыше этого возраста велѣно было «отправить или въ воспитательный домъ, или въ кантонисты». Мѣру эту, говорилось въ указѣ, «при-

водить въ исполненіе съ такою поспѣшностью, какая по обстоятельству необходима окажется, не допуская, впрочемъ, медленности ненужной», причемъ приказано было объявить настоятелямъ кладбищъ, «что они по правиламъ должны были подѣланный свыше четырнадцать лѣтъ пристроить; но такъ какъ они сего не исполнили, то правительство приняло само нещись объ участи сихъ сиротъ». Уже однѣ эти оговорки указываютъ, что было не совсѣмъ безопасно въ отношеніи внутренняго спокойствія затронуть такія учрежденія, какъ Рогожское и Преображенское кладбища, содержимыя самыми богатыми московскими купцами, имѣвшими вѣсъ и значеніе на всю Россію. Впрочемъ, мѣра эта была приведена въ исполненіе безъ особаго замѣшательства, такъ какъ всѣхъ сиротъ разобрали старообрядцы и дальнѣйшій затѣмъ приемъ подѣланный прекратился. Но это было только начало. Послѣдующими указами правительство подчинило ихъ общему постановленію. Попечители московскаго рогожскаго кладбища, купцы Мотылевъ и Маловъ, жаловались генералъ-губернатору, что ихъ кладбище хотя и именуется рогожскимъ богадельнымъ домомъ, но правила этихъ домовъ не могутъ быть отнесены къ ихъ кладбищу, такъ какъ тамъ исполняются у нихъ духовныя требы. Просьба эта доведена была до свѣдѣнія государя, но не имѣла никакого успѣха. «Заведеніе, въ которомъ дозволено призрѣвать только страждущихъ,—говорится въ указѣ 16-го мая 1836 г.,—свойственно именовать богадельнымъ домомъ, а не кладбищемъ, такъ какъ уже и есть въ Москвѣ у раскольниковъ безпоповщинской секты Преображенскій богадельный домъ; впрочемъ, нисколько не запрещается раскольникамъ бѣглопоповщинской секты называть Рогожскимъ кладбищемъ то мѣсто, гдѣ они отправляютъ богослуженіе по ихъ обрядамъ и заблужденіямъ. Поэтому,—говорится далѣе въ указѣ,—просьба попечителей оказывается неосновательною и служить только подтвержденіемъ, что раскольники употребляютъ всѣ способы выставлять себя отдѣльнымъ обществомъ, а установленіе порядка считаютъ притѣсненіемъ».

Таковъ былъ взглядъ правительства даже въ отношеніи секты, приемлющихъ священство. Противъ Преображенскаго кладбища были приняты мѣры еще круче. Нужно замѣтить, что это кладбище владѣло большими недвижимыми имуществами, домами, землями и лѣсами. Указомъ 9-го апрѣля 1838 года, основываясь на томъ, что кладбищу дозволено было имѣть только капиталы, влады и приношенія, повелѣно было всѣ эти недвижимости продать; причемъ указано, чтобы преображен-

скій богадельный домъ во всемъ слѣдовалъ установленнымъ для всѣхъ домовъ этого рода правиламъ. На домогательство старообрядцевъ о дозволении имъ вести метрическія книги полученъ былъ тоже отказъ съ указаніемъ, что книги эти должны вестись въ полиціи, а не въ богадельныхъ учрежденіяхъ, что «это могло бы давать расколу видъ законности и тѣмъ служить къ его укрѣпленію». Даже въ отношеніи браковъ на просьбу Рогожскаго владбища было приведено слѣдующее заключеніе: «хотя браки раскольниковъ, совершаемые внѣ церкви, не признаются законными, однакожь остаются терпимыми въ отношеніи гражданскомъ, и для дѣлъ градскаго общества нужно свѣдѣніе не только о рождающихся и умирающихъ, но и о ихъ женахъ для причисленія ихъ къ семействамъ; почему, дабы удовлетворить сей надобности, не дѣлая вида законности раскольническимъ бракамъ, не представляется другого средства, какъ дозволить полиціи раскольническихъ женъ поповщинской сенты вносить въ обывательскія книги тѣмъ же порядкомъ, какъ записываются рождающіеся, не упоминая о бракахъ, и въ случаѣ надобности, на основаніи сихъ книгъ, выдавать раскольникамъ свидѣтельства объ ихъ женахъ». Эта вынужденная терпимость касалась только поповцевъ; для сенты же безпоповскихъ брачныя сопряженія, не освященныя церковью, признавались просто блудомъ, а дѣти ихъ считались незаконнорожденными.

Слѣдуя общему правилу, что старообрядчество не составляетъ отдѣльнаго общества, не имѣетъ и не должно имѣть какого-либо внѣшняго, признаваемого государствомъ, признака отдѣльнаго существованія, были сдѣланы распоряженія объ отобраніи отъ обществъ печатей, о воспрещеніи имъ выдавать свидѣтельства въ исполненіи христіанскихъ обязанностей и о неутвержденіи духовныхъ завѣщаній, составленныхъ въ пользу старообрядческихъ заведеній. Такъ, не утверждено было духовное завѣщаніе, по которому дворянинъ Петръ Лещивовъ отказалъ землю, отведенную подъ охтенское владбище, тамошней старообрядческой мелельнѣ; былъ отданъ наслѣдникамъ покойнаго почетнаго гражданина Долгова домъ, завѣщанный имъ выговскимъ старообрядческимъ больницамъ, а указомъ 11-го марта 1836 г., по поводу завѣщанія въ пользу Рогожскаго владбища имущества своего мѣщаниномъ Воцанинымъ, высказано было общее положеніе, что законы государственные не признаютъ существованія и правъ монастырей и церквей или часовенъ раскольническихъ наравнѣ съ православными церквами и монастырями, что поэтому и духовныя завѣщанія въ пользу ихъ не могутъ быть утверждаемы судомъ

гражданскимъ, «дабы сихъ правъ непримѣтно, подъ видомъ обычая, не восхитили себѣ раскольническія заведенія въ увеличенію и распространенію раскола».

Обративъ вниманіе на мѣста общественнаго богослуженія, сдѣлавъ точную перепись раскольническимъ монастырямъ, церквямъ и молитвеннымъ домамъ, правительство строго наблюдало, чтобы новыя не строились, а старыя не поправлялись. Оно воспрещало также обращать крестьянскія избы въ молитвенные дома и устраивать въ нихъ престолы, приказало снять кресты съ раскольническихъ часовенъ, а когда была выстроена въ Иргизскомъ монастырѣ новая колокольня, то только въ виду предотвращения кровавыхъ сценъ, уже бывшихъ въ этомъ монастырѣ, колокольню оставили, но губернатору былъ сдѣланъ выговоръ за недосмотръ. Между тѣмъ низшее духовенство и полиція выказывали свое рвеніе въ дѣлѣ сокращенія и прекращенія мѣстъ старообрядческаго богослуженія. Во многихъ мѣстахъ по этому поводу происходили столеновенія, даже употреблялась военная сила съ печальными результатами для ослушниковъ — плетью и каторгою. Болѣе рѣшительные губернаторы высказывали мнѣніе, что необходимо назначить одинъ срокъ, послѣ котораго закрыть всѣ молебни, церкви и монастыри; но правительство отклонило такое предложеніе, заявляя, что это имѣло бы характеръ гонимій. Однако въ постановленіи 5-го мая 1839 года мы находимъ правила объ уничтоженіи часовенъ или молебенъ самаго рѣшительнаго направленія. Противозаконно выстроенныя или возобновленныя старообрядческія часовни вѣрно было запечатывать и доносить объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, которому, между прочимъ, преподается такое правило (пунктъ 4): «во всякомъ случаѣ между запечатаніемъ часовни и совершеннымъ ея уничтоженіемъ должно пройти значительное время, дабы послѣ нѣкоторой привычки видѣть его въ бездѣйствіи менѣе сильно было бы впечатлѣніе уничтоженія». Этимъ правиломъ министерство воспользовалось вполне: не только молебни вновь выстроенныя, поправленныя, но и тѣ, которыя почему-либо находили нужнымъ закрыть, сперва запечатывали, а потомъ уничтожали. Въ особенности обращено было вниманіе на мѣста, почитаемыя старообрядцами. Мы видѣли, какъ поступлено было съ московскими кладбищами; такія же мѣры были приняты относительно Иргиза; то же самое мы встрѣчаемъ относительно выгорѣлаго общежителства — этой колыбели безпоповщинскаго согласія. Въ умѣ 18 февраля 1837 года говорится, чтобы колокола съ тамошнихъ часовенъ были сняты, молебни на кладбищѣ были уничтожены,

и затѣмъ велѣно было наблюдать, чтобы списанныя иконы и книги не распространялись внѣ круга жительства раскольниковъ. Единственное исключеніе того времени было сдѣлано для некраковцевъ, которымъ дозволено было выстроить церковь въ г. Измайлѣ и то въ видахъ политическихъ, чтобы привлечь выселеніе ихъ изъ Турціи.

Въ отношеніи старообрядческаго духовенства, правительство слѣдуетъ той же постепенности, какъ и въ отношеніи мѣстъ богослуженія. Постановивъ 31 января 1832 года правило, чтобы оставить въ помоу бѣглыхъ поповъ, находящихся до этого времени при мѣстахъ старообрядческаго богослуженія, оно дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ распоряженіе, чтобы вновь бѣглыхъ поповъ отсылать въ епархіи, чтобы всѣхъ священнослужителей, пріѣзжающихъ на Рогожское кладбище, высылать изъ Москвы и не дозволить имъ переходить съ мѣста на мѣсто, назначивъ надъ ними тайный полицейскій надзоръ. Лишеннымъ священства попамъ воспрещено было «пребываніе, и тѣмъ мѣѣ приписываться къ городскимъ и сельскимъ обществамъ въ той губерніи, гдѣ они были священниками или находились у раскольниковъ, и въ выполненіи сего велѣно было брать съ нихъ подписку подѣ опасеніемъ за нарушеніе онаго быть отосланными въ закавказскія провинціи».

Однако все это нисколько не останавливало побѣговъ изъ епархіи, гдѣ, при недостаточности средствъ и суровомъ деспотизмѣ консисторій и владыкъ, тяжело жилось нашему духовенству. Большинство священниковъ убѣгало на Иргизъ, гдѣ въ соборной церкви Яновинскаго толка по чиноположенію, содержащемуся въ большомъ Исифовскомъ требникѣ, производилась надъ попами «исправа»: новопріемлемый надѣвалъ на себя епитрахиль, поручи и фелонь, и послѣ исповѣди у монастырскаго священника громогласно читалъ на амвонѣ, предъ собраніемъ братства, обратясь къ западу лицомъ, отричаніе. Потомъ помазывали его муромъ съ присовокупленіемъ вѣѣстныхъ словъ, произносимыхъ православными священниками при совершеніи надъ младенцами таинства крещенія. По окончаніи этого обряда, настоятель и братія шли къ нему подѣ благословеніе и затѣмъ онъ допускался къ исполненію требъ. Почти тотъ же чинъ совершался при приѣмѣ новообращаемыхъ послѣдователей, безъ чего его не допускали въ общей молитвѣ (указъ 17 января, 1836 г.). Когда узналъ объ этомъ государь, то, въ возмѣжаніе дальнѣйшихъ «исправъ», столь постыдныхъ для поповъ, столь же прискорбныхъ для православной церкви, приказалъ отобрать отъ настоятелей монасты-

рей подписки, чтобы впредь этого не было, а въ случаѣ нарушенія, то и настоятели, и совершавшіе чиноположеніе поны, и вновь обращенные будутъ судиться, какъ распространители ереси.

Предъ нами прошелъ цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ, которыми руководствовалось правительство для уменьшенія раскола. Нельзя сказать, чтобы онѣ не были приведены въ систему и являлись случайными отвѣтами на встрѣчающіеся и обнаруженные факты жизни раскола. Напротивъ, изолированіе или выселеніе послѣдователей болѣе вредныхъ сектъ, съ полнымъ лишеніемъ ихъ политическихъ и даже гражданскихъ правъ, уничтоженіе и постепенное сокращеніе мѣстъ общественнаго богослуженія съ ихъ учрежденіями для сектъ менѣе вредныхъ, дѣлаемыя затрудненія для присванія моношь сектами, приемиющими священство, примѣненіе строгихъ уголовныхъ законовъ для совратителей и распространителей раскола вообще, распространительное толкованіе «внѣшняго оказательства», наконецъ, противодѣйствіе малѣйшему стремленію сектантовъ въ обособленности въ государствѣ—все это мѣры, направленные въ одну цѣль, и составляютъ собою часть цѣлой и довольно крѣпкой системы. Тѣмъ не менѣе расколъ все росъ и росъ, питаясь недовольствомъ, вытекавшимъ изъ подспудной народной массы, придавленной своею вевою. Несмотря на учрежденіе и особое наблюденіе со стороны жандармскихъ офицеровъ, особо установленныхъ по губерніямъ секретныхъ комитетовъ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, расколъ все-таки жилъ, множился, отправлялъ богослуженіе и не поддавался требованіямъ правительства. Здѣсь замѣчательно тотъ фактъ, что сектанты менѣе вредныхъ согласій стали переходить въ болѣе вредныя, гдѣ богослуженіе и обрядовая сторона были проще, а, слѣдовательно, ихъ легче было укрыть отъ полицейскаго и жандармскаго наблюденія. Согласія, приемиющія священство, нѣсколько разъ пытались просить о присоединеніи ихъ къ единствѣнью, съ оставленіемъ только права самимъ выбирать священниковъ безъ особаго архіерейскаго рукоположенія, хотя и оставая ихъ подъ наблюденіемъ епископа; но имъ отказывали въ этомъ, и они переходили въ согласія безпоповщинскія. Безпоповщина разбилась на множество толковъ, изъ которыхъ, какъ мы видѣли ранѣе, нѣкоторыя доходили до крайняго отрицанія не только правилъ церкви, но и государственнаго общенія. Скопцы, хлысты находили себѣ массу послѣдователей изъ того же раскола.

Нельзя также сказать, чтобы сами раскольники не домогались у правительства дозволенія устроить у себя какую-либо организацію. Сколько разъ они подавали просьбы, чтобы разрѣ-

шли имъ выдавать свидѣтельства о рожденіи, смерти и бракѣ; просили, чтобы имъ дозволили причислиться къ извѣстнымъ часовнямъ или церквамъ;—но на все это получали или отказъ, или устрашеніе. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ указѣ синода 10-го марта 1839 года на просьбу екатеринбургскихъ старообрядцевъ о дозволениіи выбирать себѣ священниковъ изъ епархій: «раскольники при этомъ новомъ положеніи не принимаютъ наименованія единовѣрцевъ. Изъ сего ясно видно ихъ намѣреніе держаться по прежнему въ видѣ общества отдѣльнаго отъ церкви, слѣдовательно—по прежнему враждовать противъ церкви и по возможности отторгать отъ нея православныхъ. Если въ семъ успѣвали они силою богатства и общественныхъ связей донинѣ, когда непризнание ихъ священниковъ правительствомъ болѣе или менѣе затрудняетъ ихъ и уничтожаетъ; то безъ сомнѣнія должно опасаться умноженія соврашеній, когда ихъ священство получить видъ законности передъ гражданскою властью. Шесть екатеринбургскихъ расколоводителей, — продолжаетъ синодъ, — просятъ себѣ права выбирать священниковъ изъ всѣхъ российскихъ епархій. Право весьма обширное и безпримѣрное. Удивительна отважность, съ которою назначаютъ себѣ права шесть расколоводителей!» Разумѣется, просьба эта не была удовлетворена, и съ просителей взята подписка, «чтобы они впредь не осмѣливались утруждать начальство подобными ухищренными просьбами».

Закрытіе значительнаго числа молельнъ и часовенъ отразилось на жизни раскола еще тѣмъ, что поповцы начали группироваться около тѣхъ мѣстъ, гдѣ были каменные старообрядческія церкви, и гдѣ поэтому ихъ духовенство было болѣе обезпечено отъ притѣсненій. Такъ, мы видимъ, что множество старообрядцевъ переселилось въ Измаиль, гдѣ неврасовцамъ предоставлены были большія льготы. Группировались также старообрядцы около ржевскаго молитвеннаго дома, около черниговскихъ храмовъ, Иггрия и пр. Впрочемъ, уступая необходимости, чтобы не возбудить явнаго сопротивленія при уничтоженіи старыхъ молитвенныхъ домовъ, само правительство должно было дѣлать уступки и разрѣшать старообрядцамъ ходить для совершенія службы изъ смоленской и тверской губерній во Ржевъ, изъ калужской въ черниговскую и пр. (указы 1840 ноябр. 21, 1841 г. декабр. 19).

Не малую роль въ жизни раскола играла подкупность мелкаго чиновничества и даже чиновъ высшихъ. Какъ ни странно покажется, но убѣдительные факты говорятъ за то, что въ то крутое время, въ особенности во вторую половину царство-

ванія, наибольшимъ послабленіемъ и даже снисхожденіемъ пользовались сѣтны самаго вреднаго направленія, снопцы и хлысты. Ловкіе, умные, обладавшіе значительными капиталами, исполнявшіе для видимости обряды православной церкви и даже дѣлавшіе ей значительныя вклады, они успѣвали завязывать самыя сильныя связи и находить самое могущественное покровительство. По указу 27-го марта 1843 года, приказано было не преслѣдовать снопца Солодовникова, и въ виду обширныхъ коммерческихъ его дѣлъ по заграничной торговлѣ, ограничиться однимъ полицейскимъ надзоромъ съ лишеніемъ занимаемыхъ имъ должностей. Затѣмъ въ указѣ 8-го апрѣля 1848 года читаемъ, что такъ какъ Солодовниковъ ослепленъ въ малолѣтствѣ противъ собственной воли, то прекратить надъ нимъ полицейскій надзоръ и не подвергать дѣйствию существующихъ относительно снопцовъ постановленій. Упомянемъ здѣсь еще о дѣлѣ снопчихи Дурдиной, чтобы указать насколько сильно было вліяніе снопческой сѣтны. Въ комиссіи медицинскаго изслѣдованія найдено было, что Дурдина ослеплена, ибо «сосцы обѣихъ грудей у нея были отрѣзаны или истреблены»; с.-петербургская уголовная палата оставила обвиняемую въ подозрѣніи, основываясь на одномъ ея показаніи, что сосцы она потеряла отъ болѣзни. Дѣло поступило въ физикатъ, который призналъ заключеніе врача правильнымъ, что сосцы были отрѣзаны острымъ орудіемъ. По рассмотрѣніи этого дѣла комитетомъ министровъ, постановленіемъ 27 авг. 1846 г., онъ опредѣлилъ: сослать Дурдину въ закавказскій край на водвореніе. Начались ходатайства, просьбы, подарки, раздача денегъ. Велѣно было снова рассмотреть дѣло; но здѣсь была уже задѣта честь физиката, членовъ комитета министровъ. Комитетъ снова осудилъ подсудимую, но все-таки, «въ видѣ снисхожденія, — дозволить ей слѣдовать за Кавказъ въ своемъ экипажѣ». Покрывали хлыстовъ и снопцовъ чиновники мелкіе и мѣстное духовенство. Вотъ еще примѣръ: хлыстова Ульяна Васильева, изъ костромской губерніи, почитаемая тамошними хлыстами «богородицею», была заключена 1838 г., по высочайшему повелѣнію, въ Флоровской монастырь въ Кіевѣ. Вслѣдствіе представленія епархіальнаго начальства о ея раскаяніи, она снова была водворена на прежнее мѣстожителство. Прошло два года. По дознанію ревизующаго костромскую губернію, сенатора Лобанова-Ростовскаго, оказалось, что Васильева все-таки оставалась богородицею хлыстовъ, и хотя жила постоянно въ Костромѣ, но ѣздила въ Москву, руководила тамъ богомоленіемъ и участвовала во всѣхъ хлыстовскихъ радѣніяхъ.

Мы не станемъ приводить множества другихъ фактовъ; но достовѣрно, что свопцы и хлысты умѣли пользоваться гораздо большимъ снисхожденіемъ, чѣмъ другія секты. Въ то время какъ обоготворяемые пророки и пророчицы фальшиво удостовѣрились въ твердости православной вѣры, мы видимъ, что противъ такихъ сектъ, какъ молоканская, принимаются самыя строгія мѣры; о сектахъ Даниловскаго и Спасова согласія выгорѣцкихъ общезительствъ олоонецкій губернаторъ хлопочетъ, чтобы ихъ признали особенно вредными, а тамбовскій архіепископъ преосвященный Георгій до того ожесточился противъ безпопощины, что совѣтовалъ, вмѣсто словъ: «сводный бракъ» — употреблять выраженіе «сводная случка», «сводный союзъ блуда», или «сводная связь». Бывали и въ это время проблески болѣе спокойнаго отношенія къ дѣлу раскола, но они терялись въ общей системѣ и являлись какъ-бы нечаяннымъ исключеніемъ. Такъ, увидя несомнѣнное вліяніе выгорѣцкихъ общезительствъ и поморскаго толка на бѣдное населеніе олоонецкой губерніи, правительство дѣлаетъ распоряженіе объ облегченіи способовъ отбыванія повинностей и взноса податей, озабочивается улучшеніемъ въ олоонецкой и архангельской губерніяхъ путей сообщенія; наконецъ, постановляетъ, чтобы въ Корелию назначались священники, знающіе мѣстный языкъ (ук. 11 января 1836). Мало того, въ концѣ тридцатыхъ годовъ началось иногда высказываться убѣжденіе, что «мѣры, предпринимаемыя и невыдерживаемыя, нерѣдко бывають вреднѣе, нежели когда бы оныя совсѣмъ не было предпринято» (13 фев. 1837 г.). Но, повторяемъ, подобныя взгляды и мѣры были только исключеніемъ и не имѣли никакого примѣнительнаго къ дѣлу значенія.

Е. Р.